

Бэла Зиф

Страна Рифея

Пермь 2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
365

Зиф Б. Л.

365 Страна Рифея : Литературно-художественное издание /
Б. Л. Зиф, – Пермь: Печатный салон «Е-ПРИНТ», 2015. – 109 с.

ISBN 978-5-600-01161-8

В книге Бэлы Зиф «Страна Рифея» опубликована поэзия и проза: отдельные стихи, циклы стихов, поэмы, глава «Разгуляй» из повести «Провинция». И это не случайно. Все произведения, независимо от жанра, связаны одной главной темой – Уралом, Прикамьем, Пермью. Именно в этом, испытанном жизнью и творчеством Бэлы Зиф пространстве, вошедшем в книгу, читатель сможет ощутить яркую индивидуальность автора, живописную, пластичную и осмысленную им картину мира, переложенную на язык художественных образов. Однако разнообразие исторических лиц, ландшафтов, ситуаций и впечатлений в книге «Страна Рифея» для автора – не самоцель. Перед ним стояла другая задача – приблизить этот мир к юному читателю, чтобы он смог не только познакомиться с ним, оценить силу и богатство нашего края, но и по-настоящему полюбить свою малую родину, гордиться её историей и неповторимой красотой.

Книга издается при поддержке Уполномоченного по правам ребенка в Пермском крае.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-600-01161-8

© Б. Л. Зиф, 2015

В 2015 году наша страна торжественно отметила всенародный праздник – 70-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Этот год также получил статус года Литературы. А в его рамках в Прикамье, по предложению губернатора края Виктора Басаргина, 2015 год в проходит еще и под знаком краеведения.

Уполномоченный по правам ребенка в Пермском крае не мог остаться в стороне от этих важных событий. По его инициативе совместно с министерством образования и науки и министерством социального развития Пермского края была организована Пермская краеведческая экспедиция «Дети Прикамья – о детях войны». В краеведческой экспедиции приняли участие более 280 школьников из городов Березники, Губаха, Кунгур, Пермь, Соликамск, а также из Александровского, Бардымского, Березовского, Большесосновского, Верещагинского, Гайнского, Горнозаводского, Гремячинского, Добрянского, Карагайского, Кишертского, Косинского, Красновишерского, Краснокамского, Кудымкарского, Куединского, Кунгурского, Лысьвенского, Нытвенского, Октябрьского, Ординского, Осинского, Очёрского, Пермского, Сивинского, Суксунского, Чайковского, Чердынского, Чернушинского, Чусовского, Юрлинского, Юсьвинского районов.

В сотрудничестве с Пермской краевой детской библиотекой имени Льва Кузьмина была проведена акция «Есть край, который я вижу во сне...». В рамках акции в 28 муниципальных библиотеках – как в крупных городах, так и в глубинке – прошли встречи школьников с пермскими авторами, пишущими для детской аудитории. В ходе акции дети лучше узнали историю и литературу Прикамья. Познакомившись с творчеством писателей и поэтов родного края, ребята проиллюстрировали понравившиеся произведения.

Книжка, которую вы держите в руках и читаете, написана Бэлой Зиф – замечательным, творчески разносторонним, очень увлеченным человеком, моим давним другом. Мы познакомились с Бэлой Лазаревой в 1995 году, когда я работал воспитателем в детском оздоровительном лагере. Бэла встречалась с детьми лагеря и читала им свои стихи, рассказывала о своем творчестве. И вот уже 20 лет мы общаемся, дружим.

Бэла Зиф (Берта Лазаревна Зиф) – член Союза российских писателей, Почётный член Всероссийского музыкального общества, поэт, прозаик, сценарист, краевед, обладатель премии «Человек года-1997» в области экологии (номинация «культура и искусство»), создатель авторского просветительского театра истории культуры и экологии «Жар-птица». Бэла Зиф родилась 24 сентября 1947 года в г. Плявиняс Латвийской ССР. В 1953 году переехала в Молотов (бывшее название Перми). После окончания общеобразовательной и музыкальной школ в 1964 году училась на фортепьянном отделении Пермского музыкального училища. Музыка была и остаётся нераздельным спутником поэзии – главного увлечения Бэлы Зиф. В 1975 году она закончила филологический факультет Пермского государственного классического университета им. Горького. Работала корреспондентом газеты «Молодая гвардия», писала концертно-театральные рецензии для газеты «Вечерняя Пермь». С 1979 года работала в Пермской государственной сельскохозяйственной академии имени академика Д. Н. Прянишникова в должности ассистента кафедры философии. Преподавала историю мировой художественной культуры и эстетику.

Первая публикация стихов Бэлы Зиф состоялась в 1963 году в книжке «Сами о себе», когда Бэла училась в десятом классе. В 16 лет она пришла в литературный семинар при Пермском книжном издательстве. Бэла печаталась в коллективных сборниках: «Современники», «Молодой человек», «Княженика», «Третья Пермь», «Стихи и песни о Перми», «Хрестоматия по литературному краеведению «Родное Прикамье», в газетах и журналах. Ею написаны книги: «Я выпускаю птиц», «Провинция», «Секреты «Жар-птицы», «Танец маленьких лебедей».

Еще в начале 1990-х годов Бэла Зиф создала авторский просветительский театр истории культуры и экологии «Жар-птица» при Музыкальном обществе Пермской области, в репертуар которого вошли синтез-спектакли по творчеству и произведениям классиков, а также культуре и экологии Прикамья. Репертуар театра предназначался школьникам и учащейся молодежи. Театр «Жар-птица» гастролировал по Пермскому краю и за его пределами. Деятельность театра постоянно отражалась в СМИ.

Бэла Зиф – автор эксклюзивного проекта «Пермистика в ликах и лицах». Это цикл научно-популярных фильмов о малоизвестных пластах истории культуры Прикамья: «Усолье Строгановское»,

«Страна Рифея», «Соликамское чудо», «Сылва заповедная», «Земля Вишерская». В течение многих лет Бэла Зиф тесно сотрудничала с Пермским краевым радио, записала циклы литературно-музыкальных программ в авторском исполнении: «Разгуляй» и «Разгуляйские тайны» по повести «Провинция» и «Волшебный фонарь», стихи и песни.

В 2003 году Бэла увлеклась художественной фотографией. Она неоднократно принимала участие в международной выставке искусства «Арт-Пермь».

С 2010 года в жизни Бэлы Зиф произошел новый поворот. Она переехала жить в село Ключи Суксунского района. С Ключами Бэла Зиф связана много лет. Вместе с мамой Евгенией Александровной Зиф, врачом–физиотерапевтом пермского областного госпиталя инвалидов Великой Отечественной войны, она с юности часто бывала в Ключах. Евгения Александровна работала консультантом на курорте в летние месяцы его жизнедеятельности. Ещё в 1940 году, после окончания пермского медицинского института, мама Бэлы заведовала ванным отделением курорта, а потом ушла на фронт. В семейном архиве сохранились фотографии Ключей довоенной поры. Ключам посвящены и многие стихи ее дочери. Бэла Лазаревна активно осуществляет просветительскую деятельность в Суксунском районе – перед читателями, среди которых и ветераны, и школьники, она выступает с творческими и тематическими встречами в школах, в централизованной библиотеке Суксунского района.

Издание книги Бэлы Зиф «Страна Рифея» – это вклад Уполномоченного по правам ребенка в Прикамье в копилку творческих мероприятий Года литературы в России. Поэзия и проза, представленные в книге, проникнуты любовью к малой родине. В них воспета красота уральской природы. Книга лучится добротой к людям, живущим рядом с Бэлой и с нами. Надеюсь, что новая книга Бэлы Лазаревны Зиф будет интересна землякам, особенно детям.

*Павел Миков,
Уполномоченный по правам ребенка в Пермском крае*

ПОКОЛЕНИЕ

*Мы были слухом, были зреньем,
Движением земли-кольца,
Послевоенным поколеньем,
Коленом мамки и отца.*

*Нет, мы ещё не умирали,
Мы поднимались, как лучи,
Откуда-то из недр, из дали,
Где зрели вербные грачи.*

*Нет, мы ещё совсем не знали,
Что значит смерть, что значит тлен,
Но с детства нас уже предали
Земле и травам до колен.*

*Недетской наполняясь силой,
Мы не пытались это скрыть —
Улыбчивые, как Ярило,
Способные громотворить.*

*Лишь птица вещая свистала,
Не понимая, что Весна,
Что в нас земля объединяла
Живых и мёртвых имена.*

*Страна Урала, древняя страна!
Живу тобой, о том не сожалея,
В скитаниях и памяти верна
Стране Рифея.*

*И молодость моя, и столько лет
С твоих вершин срывались и взлетали,
Чтоб навсегда запечатлеть портрет
Рифейской дали.*

*Блуждающий огонь земных утрат,
Тебя пою, а без тебя немею.
Как птица, обретающая сад
В Стране Рифея.*

ГОЛОСА

*Стихи идут из сентября,
Из сентября земли и света,
Как из ночей на склоне лета –
Глухие песни северян.*

*Люблю Урал. И только здесь
Я знаю осень по приметам:
Хрипит петух у сельсовета,
И веки прикрывает лес.*

*Есть что-то нежное в лесах.
Они таинственны и пряны,
Когда медовые поляны
Крапит глазастая роса.*

*Я знаю, что сильны леса.
Они в душе моей, как песни,
Как боль, качнётся и воскреснет
Живая, горькая роса.*

*И я смогу понять Урал –
Понять рябины и затоны –
Родной, печальный, опалённый,
Который к сентябрю припал.*

*Понять, как дочь поймёт отца.
Любовь к нему – не возрастное.
А что-то древнее, лесное,
Как приближение лица...*

*Из связи, из родства – следы,
Следы шагов и первых санок.
Сибирский тракт, и полустанок,
И сказки из печной трубы.*

*Там сот медовых тёплый ком...
На сеновале тише слово,
Вздыхает по ночам корова,
В колодец ставят молоко.*

*Над Бабкой ивовый туман,
В него звенит большое стадо.
Ни слез, ни нервов, ни досады –
Парное утро на стакан.*

*А дальше – рыжие костры,
Леса предутренной отравы.
Зачем дано мне это право
Писать и плакать, и любить?*

*И обретаю я Урал,
Как крик стихов,
Гортанно страшно.
Ладонью огненной машет
Земля пожара и лесов.*

*Встают стихи из сентября,
Из сентября земли и света,
Как из ночей на склоне лета
Текут напевы северян.*

ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ

*Три мира, три чуда, вернулись оттуда:
Незримые крылья, невидимый лес,
И тело лосиное врезалось в блюдо
Чудских осторожных небес.*

*Что это? Мечта о гармонии мира?
Здесь Женщина тяжесть судьбы приняла
И, словно скала, онемела, застыла,
И руки, подобие крыльев, свела.*

*На лице её – береги и знаки,
К лицу и к ногам прислонилось зверьё...
Куда ты глядишь, выступая из мрака,
Что каркает там вороньё?*

*Не то ли, что в мире так призрачно счастье –
Твой дом и очаг, свежесть трав и лесов?
На солнце стоишь, но чудовищный ящер
Его из-под ног поволок.*

*Шаманства страна, где твои береги
От злобы, от порчи природы живой?
Померкли леса, поистратились реки,
Рассеялся твой травостой.*

*Природа! Какая неравная схватка...
Над Пермью Великой пророчества глас:
Звериная сцепка, звериная хватка
И дыры невидящих глаз.*

ПЕРМСКИЕ БОГИ

*Сыплет каплями крови
Таёжная высь.
У Спасителя брови
Соболями сошлись.*

*Он из древней породы –
Коми или манси,
Но татарские вроде
Навострились усы.*

*Боль нужды, недорода
И хозяйских плетей...
Много русского бродит
В полыханье очей.*

*Знает труд в солеварнях,
На земле и в лесу
Этот идол угарный
Без креста на весу.*

*Что запреты Синода,
След бича кровавой?
Он – уральской породы
Этот идол лесной.*

*Из еловых елеев
Возникающий стон
Ближе был и роднее
Православных икон.*

*Предстоящие вместе
Собрались не дыша...
В нём – единая песня
И родная душа.*

*Открой, открой свои глаза
На малахитовое пламя.
Смотри, вот яицкий казак
Метнул в Орду уральский камень.*

*Вот зацветает дикий мак,
И дуют огненные ветры.
Вот щит и поступь. Вот Ермак.
Вот бурей вздыбленные кедры.*

ИЗ ЗЕМЛИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ

*Переправа, плеск воды.
Льдинки — кратким разговором,
Время — потаённым взором
Затаилось. Знак судьбы!..*

*Катер днищем в лёд вращается
До весны. И лишь собор
Белой грудью отражает
Вьюг и времени напор.*

*На эпохах почивает
Звон-язык его давно.
Север — глыба соляная —
Несводимое клеймо.*

*Яичной скорлупкою с фресок слетает
Ушедшее время — Введенский собор.
Лишь иконостас, как цветок, расцветает,
Сплетаются краски в роскошный убор.*

*Мирские дела и грядущая слава,
Примите сей дар. Открывается нам
Уральских просторов глухая держава,
Где места ещё не нашлось куполам.*

АНИКА СТРОГАНОВ

*Ну-ка, вспомни, Аника-колышек,
Весть из дальней Камской земли —
Дескать, там не копали до доньшка,
А рассолы рекой текли.*

*Накажи-ка надёже-товарищу
Всё-то вывести, разузнать!
Уж потом начнёт, как пожарище,
Новый край и жечь, и пытать.*

*От родной Соли первой, как пёрышки,
Отпадут детишки с отцом.
Скоро станут солёными рёбрышки
Лодок, волоков и гребцов.*

*Лес туманами занавесится,
Под ногами солёная твердь.
На ладони твоей уместится
Край земли — Великая Пермь.*

Новгородцы, князья московские:
 «Ну, чего тебе надобно, Русь?»
 От народа, со слов, таковского,
 Как тайга, где медвежий хруст.

От земли далёкой, от северной.
 «Иль Закамского серебра,
 Или той пушины затейливой,
 Словно искорки от костра».

У народа-то окаянного –
 В нём вогулы, пельмцы, чудь –
 Хочешь бога взять деревянной,
 Переправленного в Покчу?

Жди, когда сокрушится вольница
 И Сибирского хана мощь!
 Иоанну Грозному кланяться
 Будет Строганов день и ночь.

Городки счастливой подковою
 И над Камой, и над Чусовой
 Собирают дружины новые,
 А Ермак у них головой.

Где на стругах пройдут, где посуху
 На Иртыше водицы испить,
 Чтобы слово русское, вольное –
 Верхнекамье – в словарь включить.

*Ты скажи мне, истома,
Где получише житьё?
Как дойти мне до дома,
Дорогое братьё?*

*Дым и чад издалёка –
Это варница-мать.
Нету баньки-осоки,
Чтобы сольцу смывать.*

*Как на Каму прибудут
Дроважные плоты,
Так по пояс на людях –
В жар студёной воды.*

*Вместо лошади барской
Воз тяжёлый тащу,
А дрова-то с закваской:
Аж хребтом затрещу.*

*Лето, вроде, не катко.
Да похлеще катка.
Жизнь – дырявая пятка,
И слеза мужика.*

*Караваны птиц – не соляные,
С ветерком взметнутся – и лететь,
А на Каме баржи смоляные
Загружаться будут и скрипеть.*

*По воде высокой утром рано
Отправляться им в далёкий путь...
Караваничик Сила, он, упрямый,
В вольные старается махнуть.*

*Но ему по Слудской церкви сохнуть,
Книгу перелистывать, вздохать
И жену любимую, как охнуть,
Лето целое до снега не видать.*

*Баржа доплывет до Соликамска,
Встанет к варницам и складам соляным.
Девки не успеют размечтаться,
Как мешки стоскуются по ним.*

*Нанимались сами, шли по воле
Бегать по одиннадцать часов.
Жалко Силе девок из Усоля –
Сколько здесь не сытых едоков!*

*Усолье из сказки. Усолье из сна,
Где только ещё начиналась весна.
Ходами древесными льдинки сходили,
И мох вырастал, и следы городили
Узор и страну пред Рубежской церквушей,
Но линия речки их не нарушит...
Пресечь невозможно закату, восходу
Природы и тайны единой работу.*

*Здесь в рамках деревьев карнизы и храмы
Вставали немыслимой панорамой.
В них дома Голицыной строгая ода,
А далее – будущие огороды,
Залив, по которому солнце скользило,
И та колокольня, где божия сила
На тросе небесном строенье держала,
Чтоб в прах не рассыпалось,
Не разметало господских палат.
Божественно строги в них лестниц ступени –
Года на дороге Пальмиры Уральской
Тех чудных видений,
Что канули в пору больших наводнений.*

*Ни одна из варниц не живёт
Дольше, чем положено, поверьте.
Кажется, что только соль растёт,
Распуская корни в тёмной тверди.*

*Мчится мимо соляной поток,
Охвативший время и пространство.
Высвечен лишь адский уголок –
Срез пласта в своём непостоянстве.*

*Вырублено – как клеймо горит –
Гор полёт и взмахи птичьих крыльев,
Жар цветка, потока быстрый ход,
Зверь, оцепеневший от бессилья.*

НИКИТА ДЕМИДОВ

*Никита Демидов – любимец Петра –
Тот тульский кузнец, оружейник,
Шагнул на Урал. Видно шапка мала,
Охота к большому везенью.*

*Свой род, устремляя могучей рекой
И в твердь прорастая, как кедр,
Желал одного, чтоб железной рудой
Открылись подземные недра.*

*А древний песчаник, как медь, источал
Огонь. И склонясь над кострищем,
Ещё колдовал неподступный Урал,
В котором богатство отыщешь.*

*Узнаешь потом, как растить города,
Чеканить налево монету.
За многие лета не смыть никогда
Над башней Невьянской рассвета.*

*В подвалах её ледяная вода
Затопленных душ и преданий.
В железо закованы эти года
Уловов, страстей и дерзаний.*

*Ты знаешь: таков твой удел на земле,
И нету обратного хода.
В раденье и горечи, в зле и добре
Пришел, чтобы ставить заводы.*

ЕГОШИХИНСКИЙ ЗАВОД

*Пароходик что-то прокричит,
Шлепая по Каме налегке.
Костерок на берегу горит ,
Что-то варится в заветном котелке.*

*На дозоре горный городок.
Ясен взгляд его и четок лик.
По крутым тропинкам он ходок,
Да по горным шахтам проводник.*

*Он-то помнит тот тяжёлый след
Детских слёз и взрослых маету,
Скрипы разухабистых телег,
Люда приписного суету.*

*От кунгурского завода древний ход
Горновых твоих, мастеровых.
Выплавь, Егошихинский завод,
Плавку первую, как памятку о них!*

*Молодцов Таманского полка
Косточки в сырой земле лежат.
И купцов кунгурского рядка,
Лавочки сложивших, словно сад.*

*Снова этот улей оживёт.
Отошла дремучая тайга.
И Татищев едет на завод –
В быль о пермских медных берегах.*

*Над Чусовой и Камой созвездие горит:
 Не растворился ль камень – зелёный малахит?
 Алмазом встали горы. И так со старины
 Все жилки на озёрах, как на висках видны.*

*Так исступленный мастер работает резцом.
 Урал по этой части был просто молодецом.
 Изведал всё на свете: и тайный жар цветка,
 И в каменных соцветьях дыханье двойника.*

*Коварных недр свеченье, в котором, как во сне,
 Герои и виденья. И змейка по весне.
 Таинственного дара смертельна благодать.
 Туда идти не надо, отсюда не видать.*

МАЛАХИТ

*Знак эпохи изобилья,
 Спутник меди, горный сын.
 Русский малахит всесилен
 В гроздьях света и росы.*

*От часов идёт сиянье,
 Он в эпохах не сокрыт,
 Погружен в воспоминанье,
 Словно Римлянин, стоит.*

*Египтянка древней волей
 Время повернет назад:
 Вот она подводит колем
 Малахитовым глаза.*

*В золотом волшебном шлеме,
 В малахитовых усах,
 Кот показывает Время –
 Время сказки на часах.*

*Окно в зелёный мир...
В нём кедров мощь таится,
В нём сосен гул дремотный
И пихтовый покров,
В нём миллионы лир,
Дерев поющих лица,
И миллионы крон,
Воскресших из снегов.*

*Зачем поёшь, Урал,
Легендой овегаешь
Былую мощь веков,
Безвременный оплот.
Как лики древних скал,
Таишься и мерцаешь,
Когда в колокола
Грядущий век забьёт?*

*Твой древний карагай
Ещё не стал расплатой.
Ещё лежит топор,
Назначенный судьбой.
Но болью исходя,
Предчувствием утраты
Ты примешь облик древа,
Окутанного мглой.*

*Сначала разыграй
Симфонию деревьев –
Историю корней,
Прелюдию листов.
Стань музою моей,
Причудливее змея
Изогнутых ветвей
В гармонии стволов.*

В БАСЕГАХ

*Здесь можно навеки остаться,
Отдать, по-простому, концы.
Кругом взгромоздились останцы,
Как древнего стана бойцы.*

*Вот солнце на горы садится,
Горит в оперении сов,
И горы, подобные птицам,
Взлетают на крыльях лесов.*

*Изведав такой благодати
И глядя на небо в упор,
Горят роковые печати –
Морщины и трещины гор.*

*Здесь боги пируют безбожно,
Не зная ни ночи, ни дня,
Хранители дебрей таёжных,
Кристаллов, камней и огня.*

*Дремучий Басег переменчив!
Смотри – застывает вода.
Лишь стланик закутает плечи
В январские холода.*

*Тогда по ступеням Урала
Спускается зимняя мгла,
Чтоб домик найти с самоваром,
Где песня ночная легла.*

ВИШЁРСКИЕ ЗАРИСОВКИ

*Север – амбарчик, где рыба хранится,
Может – коптится, может – солится,
Где для капканов придумано место –
Дом без окошек. Дом по соседству
С древней рекой. Прорисованы четко
Камни над нею и старая лодка....
В берег впечатанные до потребы
Лодка с амбарчиком смотрятся в небо.*

*Где там собака Анзор и тетёрка?
Где ружьецо и лихая махорка?
Вот и дымком от домов потянуло...
Сальце шипит, и душа не уснула.*

В перламутры облачаясь,
 словно в дальние края,
Я спешу к тебе, ласкаясь,
Север – лапушка моя,
где неспешно, деловито,
 шум моторок по реке,
где легко открыть калитку,
 и в ограде, неприкрытый,
хариус лежит в бачке.

Поживу-ка у Мариш –
 почтальониш здешних мест.
Я на кухне расписные
 шаньги трескаю.
Окрест
 про Собяниных известно:
кто охотник, кто рыбак.
Заколдованное место
 мне не обойти никак.

Пятачок глухого Велса,
 где на стрёме мужики.
не охочи на вопросы
 и немного чудаки...

Петухи орут стальные,
 землю изморозь свела.
Речь заходит про иные –
незабытые, родные
 старомодные дела.

*Как бесконечен мир сухого криволеся ...
 Причудливы сплетенья трав, цветов и мхов.
 Кто гений тех небес, соцветий и предвестий,
 Блуждающих вершин, цветных и жарких снов?*

*Узора не объять, орнамент не прочтётся ,
 В ладони не собрать огромный тот букет...
 Вдруг голова коня в лишайник обернётся,
 И снежник завершит горы автопортрет.*

ИШЕРИМСКИЙ ВОДОПАД

*Прелюдия кедра...
 С неё начинается звук –
 Сквозь камни пробился,
 как эхо весенних потоков,
 Безумных и гулких,
 что вверх по каньону взойдут
 По рёбрышкам каменной плоти,
 пластам и осколкам.*

*Что хочешь поток –
 ледяной громогласный обвал?
 Как с камня на камень
 стремительно ты улетаешь
 в объятия нижних миров.
 Смирясь,
 ты их обласкаешь,
 И в тело реки,
 золотой от июньского дня,
 всей гаммой вливаясь,
 навек убежишь от меня.*

*Взгляд полночного глаза
Одинок и остёр.
У скалистой Полазны
Кто-то держит костёр.*

*Берег, в пене и брызгах,
Ударяясь о мглу,
Катерами пронизан,
Как продет сквозь иглу.*

*Всё сплелось и спаялось:
Ветром взвихренный бор,
Лета самая малость
И горящий костёр.*

*Камы взбитое тело
У палатки в ногах
Переплавилось, спелось
И вошло в берега.*

*Снится долго и нежно
Одинокий простор.
Даль видна до Лунежек
От Полазненских гор.*

*Но и там то и дело –
Одиноки, остры –
У скалы онемелой
Кто-то держит костры.*

*Существо из Эдема
На зелёной косе...
Легкой бабочки тема –
В ней счастливы все.*

*И на летней прогулке
Неуклюжи, яркие,
Как цветные шкатулки,
Затаились жуки.*

*Снова жизнь озарится,
И откинется сеть.
Будут певчие птицы
Трепетать и лететь.*

*И торжественной одой,
Эхом леса и гор
Подголоски природы
Сливаются в хор.*

*Закрыв туман усталую луну,
И тихими шагами лето бродит.
Такая ночь на Камскую волну
В кольцо мостов приходит и уходит.*

*Бело в окне. И ты бредёшь, как в сон,
В задумчивые шорохи июня.
И рифмы белые, прозрачные и юные,
Оправив платица, садятся на песок.*

*Почувствуют рассветный холодок,
Закрыв подолом тёплые колени,
И смотрят вдаль, где светит огонёк
Больших надежд и долгого терпенья.*

*Как добрая больничная сестра,
Как девочка со светлыми глазами,
Приходит ночь на наши острова
Поэмой белою над белыми садами.*

дочери Инне

Путики – спутники
Хвойных лесов –
Гвоздики, вбитые
В зелени мхов.

Дождик по бору
Стучит и стучит,
Мхи вышивает
И хвоей крапит.

Целое действо
Невольно найдёшь...
Дятел взлетел,
И закончился дождь.

Тётенки сразу
Идут по грибы.
Путикам кланяясь,
Клонятся лбы.

Ползают тётки,
Коленки дрожат.
Влево и вправо –
Корзинки и зад.

Выйду с собакою.
Дверь на засов.
К путикам – спутникам
Хвойных лесов.

Капли сверкают,
И солнце палит,
Целое царство
У сосен лежит:

Чистые личики
Юных грибов,
Путиков – спутников
Летних лесов.

ИРГИНА

*В Иргине трава купалась,
Рыба мелкая плескалась.
Не былинная она,
Речка эта – Иргина.*

*В ней бельё полощут бабы.
Строят мост над ней прорабы.
Говорят, она вредна –
Даже летом холодна.*

*Вроде, ледяной ручей
Протекает вдоль Ключей.
Только утки, кряки-утки
В ней полощутся по суткам.*

*Но напейся той водицы
Из речушки-ключевницы*

*И узнаешь, кто она,
Та гулёна – Иргина,*

*Ни минуты не молчит,
Собирает все ключи
И, минуя все леса,
Все лесные голоса,
Солнце алое купает,
Ближе к людям подбегает.*

*Оттого и плещут воду,
Поливают огороды,
Варят вкусную уху,
Носят в поле пастуху,
В тесто льют, козе дают,
И, испив ее, поют.*

*В Иргине трава купалась,
Рыба мелкая плескалась.
Далеко она видна,
Эта речка – Иргина.*

СКАЗКА

*Из тумана зелёного
Можжевеловой россыпи,
Сказкой-птицей наполненный,
Лес течёт подголосками.*

*Потаённую радость
В холодах и черёмухах
Затаилась, не падая,
Ночь у майского омута.*

*За горою девятою,
За моим суеверием
Ночь крадётся мохнатая
По росистому берегу.*

*А на ветке пчелиный рой,
Словно яблочко спелое.
Холодинкою-девочкой
Спит черёмуха белая.*

*Над лесными озёрами,
Над лесными секретами
Рассыпается зёрнами
Песня птицы неведомой.*

*Растекаясь, идут ключи
На кустарники чёрные.
Как черёмуха полночью,
Я тобой переполнена.*

*Гаснет спелый закат
над яблоком вод.
Чьё-то сердце заходит...
Чьё-то сердце встаёт.
Поднимается сердце –
небесная рать,
Чтобы целую жизнь
от любви умирать.*

xxx

*Ах, что мне тайны, что мне тайны,
Когда из сумрака зовёт
Твоё лицо, как берег дальний,
И подо мной земля плывёт.*

*И звёзды вереска мерцают,
И в руку падает рука...
А на морозе застывает
Щелчок английского замка.*

Я буду твоею
 до горя, до губ,
 до трубного гласа
 неистовых труб.

До ветров осенних,
 до птицы весенней.
 Как в день сотворения.
 без опасения.

И в радостной песне,
 и в звонкой молве.
 Пока существует
 любовь на земле.

МЕЛОДИЯ

Выведи меня из темноты,
 Из нежизни, сумрачной и дикой.
 Запоют деревья и цветы,
 Оживу любимой Эвридикой.

Раненый, измученный Орфей,
 Мой певец, от горечи оглохший,
 Торопись, лети к жене своей,
 Словно к дудочке, поющей в роще.

Как глаза мерцают и горят...
 День исходит негой земною.
 Не ужалит ни одна змея,
 Будем вместе в ласке и покое.

Травы высоки в твоих лугах,
 В них цветы созвездьями мерцают.
 Птицы на покинутых ветвях,
 Запинаясь, ноты вспоминают.

КУРЫНСКАЯ ЭЛЕГИЯ

*Зелёное царство Куры
Так много в себя поглотило...
Древней темнотвольной коры
Его первозданная сила.*

*Вглядитесь в рисунок корней –
У старых деревьев на склоне
Впечатаны судьбы сильней,
Чем линии на ладонях.*

*Глаза опустевших веранд
Подобны покинутым хорам...
И тянется траурный кант
По линиям-коридорам.*

*Пунктиры осевших домов
Сквозь лета цветущие длани
Хранят перезвон сундуков
И алые окна герани.*

*О, дачного времени чад,
Когда пароходом «Царица»
Сюда приезжал наугад
Ребёнком – тобой насладиться.*

*На даче все были умны,
Вели без конца разговоры.
То было в манере Куры,
Где не было зла и раздора.*

*Зелёное царство Куры!
Ты в ризу дитя облачало –
В леса и поляны твои –
Кормило его и качало.*

*Над Камой просторов гряда
Сквозь кроны сияющих сосен.
Как знать, что, порою, беда
Дыханье пространства приносит.*

*Что мера судьбы велика...
Губительно данности благо.
И будет смертельна тоска
Открытого взгляда и шага.*

xxx

*Шагнув от Камского простора
На разогретый солнцем пляж,
Июльский дождь Курьинским бором
Бежал, как соучастник наш.*

*Мы на холме зелёном встали...
Я – тетива, а ты – стрела.
Лишь сосны-амфоры вздымали
Свои упругие тела.*

*И словно повинуюсь чуду,
Возникшему для нас двоих,
Наполнив древние сосуды,
Дождь успокоился и стих.*

*Душа невинная, как Хлоя,
Забывшая античных коз,
Купалась в разогретой хвое
И в мареве твоих волос.*

*Вновь идиллического лета
Вернулся отрешённый лик.
Любовь художника к поэту –
Непредсказуемый пикник.*

*Эта ночь и лёгкий дух над Камой.
И всё те же линии огней
Убегут до пристани до самой
И покажутся ещё длинней.*

*Опьяняясь запахом полыни,
Берега колеблются на дне,
Затаив в глуби Курьинских линий
Жар рябин на медленном огне.*

*Мы стоим, покачиваясь, вместе,
Волнами друг друга одаря,
Два ребячества, два странника, две песни,
Слившихся под ветвью сентября.*

*Здесь в объятьях сумрачных потонут
Наши руки, наши голоса.
Две судьбы, два облачных затона,
Из которых уплывать нельзя.*

*В дымной сфере раухтопаза
Взгляд ночных ожиданий и снов.
Он подобен печальному глазу –
Этот камень из горних миров.*

*Посмотри, как окована шея –
Глаз немеркнувший, дымная степь...
И страшит, и мерцает, и греет
Эта смертная тяга и цепь.*

*Так тела от желанья искрятся,
Выступая из утренней мглы,
Обещая такие богатства,
Что при жизни не дать не смогли.*

Опьяняясь воздушною хвоей
И осмысленным лета концом
За Курьинской сосновой горой
Мы над Камою вместе идём.

Сарафан раздувается синий,
Вперемежку стихи и слова...
Заливные луга обносились.
Но тепла босоножка-трава.

Август горек угасшею силой,
Всё к Ширяхе сено свезли.
Нам случайно пространство открылось,
Где ржавеют на дне корабли.

Их когда-то гудки зазывали,
Вдаль упругие волны влекли,
В этом, верно, причина печали,
Отвлечённой от неба земли.

В КЛЮЧАХ

*Будет дождь или вёдро –
Предвещает закат.
Только старые вёдра
Спозаранку звенят.*

*Словно тяжкие мысли
От осевших домов,
Заскрипят коромысла
Средь осенних дымов.*

*Расползутся туманы
По болотам и мхам.
Встанут женщины рано –
Стыд и срам петухам.*

*Вот несут, колыхаясь,
От колодцев ушат.
И серёжки, мерцая,
Догорают в ушах.*

МАРТ

*Река ещё не принимает
Ни отражений, ни огней.
Она ещё не понимает
Тоски вечерней. И над ней
Курсанты, как большие птицы,
По набережной разбрелись.
И смотрят вниз. А там дымится
Холодная чужая жизнь.*

*В ней все отдельно: высь собора,
Дорожки парка, мост вдали,
А главное, река и город.
Посередине – фонари.*

*Но время сблизит все портреты.
Придет весна. И, чуть горьки,
Умчатся вдаль от парапета
Пространства дрогнувшей реки.
Вдруг обнаружатся морщинки
У глаз, асфальта, у домов,
Подобно тоненьким тропинкам
Среди раздумий, мрака, льдов.*

ЛЕКТОРСКАЯ ПОЭМА

*Аэропорт, где в местных даях
Стоит июльская страда.
Мне доверительно сказали:
«А Вам не надо бы туда...*

*Зачем лететь на север, в Ныроби?
Не будет легким Ваш улов.
Кругом леса, в них очень сыро.
Вы не боитесь комаров?*

*К чему лететь с магнитофоном
В немзыкальный этот край,
Где ветер в грудь, где Колвы омут,
И где не видно птичьих стай?».*

*Но вот уже нас ветер вертит,
Под крыльями река дрожит.
И в самолете, как в конверте,
Письмо без адреса лежит.*

*Оно написано в пространство,
Его прочтут, где упадёт.
И в этом видно постоянство
Того, что рождено в полёт.*

xxx

*Зона – это молчанье и зов.
Это слово врезается в сердце.
Это угли таёжных костров,
У которых не отогреться.*

*Здесь тебя не разбудит петух,
Нет ни зорь, ни заката, ни мрака.
Зона – день, обрывающий слух,
Неотступный, как злая собака.*

*Управление. Девять утра.
На политинформации – новость.
Выхожу на трибуну. Пора.
Предоставили первое слово.*

*В клубе видно смятение погон.
Заскрипели ряды и умолкли.
Слушать Блока сейчас не резон –
Всё лирические недомолвки...*

*Тех – далёких от мира искусств,
У которых товарищи – волки,
Обучаю политике чувств,
Украшающих книжные полки.*

*Им – пою. Как большая заря,
Вырастаю до женщины смелой.
Городской отмечая наряд,
В самом алом пою, в самом белом.*

*Я пою об истоках земных
Голосами забытого лета.
И по залу проносится вихрь...
Как меняются лица от света!*

*Сидят неодинокие мужчины,
Воинственный истратив за день пыл.
Приходит Лебедев. И есть тому причина:
Для лекторши он баню истопил.*

*Приходит Лебедев к вечернему застолью
И говорит: «От глаз бросает в жар...
Я за тобою шёл – с собой не спорил.
Вот спирта по дороге задолжал».*

*На сапогах невысохшая глина.
Застыла над столом волос копна.
«Растрогала!», – сказал повыше чином,
И сразу наступила тишина.*

*Сидят неодинокие мужчины
И, заглянув в стакан, не видят дна,
А видят лекторшу, как женщину с картины,
В которой есть и свет, и глубина.*

xxx

*Бедный лектор! С цветочками платье,
Почему-то потерянный вид...
Оттого ль, что военная братия
На неё неотступно глядит?*

*Под мотив путевого напева
Мчится газик, смеётся шофер.
Ветроломом подбитое древо
Или это упал метеор?*

*Может это предчувствие встречи?
Замполит, наклонившись вперёд,
Поясняет, что зона калечит
И, по-своему, радость даёт.*

*Так отчётливы два монолога,
Что начать диалога нельзя.
Скоро кончится эта дорога,
И по ней не вернуться назад.*

*Севером дальним запомнилось мне это лето.
Только восходом в лицо ты моё посмотри:
Снова тайга наполняется влагой и светом,
И вертолеты взлетают с полей, как шмели.*

*Есть радость ожидания рассветов и ночей,
Избранников избрание, как огненный ручей.
Лети, лети и радуйся, что веришь и живёшь,
Что быть дождём и радугой, пока не устаёшь.*

*Снова увижу смородины дикой соцветия.
Колву-реку, словно тайну, поглажу рукой.
В ней отражения прошлого – сердца отметины,
Словно предчувствия горя и счастья с тобой.*

*Есть радость ожидания рассветов и ночей,
Избранников избрание, как огненный ручей.
Лети, лети и радуйся, что веришь и живёшь,
Что быть дождём и радугой, пока не устаёшь.*

*Как обниму тебя, встреча моя не забытая,
Если на дальних путях облака и туман,
И самолёты лежат, словно птицы подбитые,
В листьях багровых, страдая от боли и ран.*

*Есть горечь расставания рассветов и ночей,
Избранников избрание, как огненный ручей.
Лети, лети и радуйся, что плачешь и живёшь,
Что быть грозой и радугой, пока не устаёшь.*

Паше

*Коты и собаки молчат,
Всем жёнам купили обновы...
Как улей, душа по ночам –
Внутри зарождается Слово.*

*Вот юная пчёлка видна –
Садится на сердце, кусаясь,
Как будто тональность одна,
Но без модуляции – маюсь.*

*Всё тянет куда-то ещё –
В дизезы, а может в бемоли?
За этим откроется счёт
На новые знаки и боли.*

*О, как же прелюдии жаль –
Внутри сотворённого чуда,
Когда открывается даль
С дремучей вершины Полюда.*

*Над глыбами бьётся прибой
Изранено сердце и тело ...
Как жалит безжалостный рой!
И что с этим дальше поделать?*

*И я опять приду на белый свет,
Чтоб захлебнуться чьей-то дальней песней.
Напомнившей, что больше не воскреснут
Семнадцать путаных и беспокойных лет.*

*И будет пыли медленный балет,
Где след ботинок в маленькой прихожей.
И подозрительные взгляды на прохожих,
Что в зажигалках прячут пистолет.*

*В этой комнате так сконцентрирован мир —
Параллельно с твоим он живёт на пределе.
Чаша жизни хранит непонятное зелье,
Образ юной Ахматовой нежен и сир.*

*Здесь цветы запеклись в керамический зной,
Акварели, напротив, промокли до нитки,
И по ветру гуляет, срываясь, калитка
В ту страну, где таится огонь неземной.*

ЕЛАБУГА

*Ветер задышался и хрипел,
Он хранил тебя за островами.
Вот он тот желанный, тот предел,
И гора, в которой ты, как в храме.*

*В храме, где ни звука, ни свечи,
Где эпоха выцелкала стекла,
В храме, где все средства хороши,
В храме, где одной не дали срока.*

*Но в Елабуге, который год,
В зной и ливень — всем выходит боком,
Пристаёт и плачет пароход,
Кто-то ходит к дому, смотрит в окна.*

*В августе полынью зарастёт
Улица. Залают псы цепные.
Злится баба, больно тесто бьёт —
Допекли знакомые, родные.*

*Бабе той ужасно не везёт,
Разбухает дом до горловины.
Печь дымит, и матица гниёт
В доме, где ушла от нас Марина.*

*Протисть навсегда с тем, что было любимо,
Отринь, оторвись и по линиям хвойным уйди
В то царство миров, от которого в детстве знобило,
Где Ангел-хранитель на ветке небесной сидит.*

*О, как он поёт, как тревожит небесные ветви!
Нисколько не хуже-не лучше, чем наш соловей.
Как мало уже остаётся до дальней отметки,
До крайней черты, за которую станешь сильнее.*

*Над Камой-рекой берегов окровавлена глина.
Рассвет равнодушно и тускло улегся на ней.
Таким же путём уходила когда-то Марина
По этой родной и чужой навсегда стороне.*

*Не пишутся стихи, и не даётся
Ни жить, ни одиноко умереть...
Другая улица однажды достаётся,
По ней положено взметнуться и лететь.*

*На этой улице домов совсем немного,
Огни ее до утра зажжены.
На этой улице даётся всё от бога,
И только страсть одна – от сатаны.*

*Лишь вкраплены знакомыми местами
Деревья, люди, берега реки...
Но что за этим, мы не знаем сами...
Любовь?
Душа?
Стихи?*

ПЕВИЦА

*Птицы окутаны вьюгой в деревьях.
Поздних трамваев скрипы и звяк.
Новую Пермь, отстранённо жалея,
Смотрит Грибушинский особняк.*

*Он устроитель концерта в гостиной,
Он предложил новогодний фуришет.
Хрупкую женщину в чёрном и длинном
Здесь отразит и рояль, и паркет.*

*Вышла, как образ знакомых художеств,
Старых альбомов таинственный крест,
Облик и дух, состоящий из множеств,
Глянувших детством нездешних существ.*

*Кто ты? Сирень неизвестных владений
Или Снегурочка в дебрях лесных?
Кто безраздельно тобою владеет –
Демон ночной или утренний блик?*

*Как переменчивы все отраженья!
Лишь оболочка и трепет... Как знать
В чём ты? В туманной цепи пробуждений
Или в цветке, погружённом в хрусталь?*

*Так беззаботно меняешь пространство:
Небо – на море, закат – на рассвет.
В этом, как видно, твоё постоянство
Юных и вечно летящих планет.*

*Песен твоих все божественны слоги
Волнами их разбивается мрак.
Окна пылают. В огромной тревоге
Смотрит разбуженный особняк.*

*Смотрят искоса святые.
Только дай тяжёлый кнут —
Разведут глаза косые,
Чёрным хлебом попрекнут.*

*На душе темно и сиро,
Не ложится в ритм строка:
Над моим крылом застыла
Занесённая рука.*

*Каждый шаг святые ловят.
Поселился чёрный ад
Там, где ночью в изголовье
Чудо-волосы шумят.*

*Отчего я не святая?
Век бы мне не догореть...
Жить, примерно поучая,
На обугленной земле.*

*Не для них цветы и лира,
Не для них взрастила сад.
Перья страстью накалила —
И Жар-птицею летят.*

*А в сущности, ведь так немного надо:
Чтоб было тихо, не скрипела дверь,
Чтобы была моя собака рядом,
И дочка приседала на постель.*

*Чтоб на столе – тетради со стихами,
Дышали в вазе матовой цветы,
И муж, плывя воздушными путями,
Любил меня и был со мной на ты.*

*Чтоб в старом доме, Богом не забытом,
Бывали разные мои друзья.
Жила мелодия – забота и молитва,
Как на ветру калиточка моя.*

РАЗГУЛЯЙ

Времена года

Мы с Татищевым разминулись на каких-то два столетия, но оба, каждый в свое время, связав свою судьбу с Егошихой, ощутили перспективы. Василий Никитич «подтолкнул» горнозаводскую цивилизацию, заложив медеплавильный завод. Я опозитизировала её сердечную мышцу – Разгуляй. В любом случае, наша встреча была эпохальна и неизбежна.

Мое отрочество осело на Парковой, 14, в дореволюционном доме, стоящем между тупиком городской жизни и непредсказуемой Мотовилихой. Около него-то и поворачивали трамваи, идущие через старый мост, а обратно – через этот же мост – шли регулярные похоронные процессии.

С очередными звуками утешительных оркестров, содрогаясь с непривычки, я все же решалась выглянуть из окон второго этажа, на котором уже сложился творческий микроклимат. При беглом взгляде сверху нельзя было не заметить некоторых подробностей траурных

шествий: в замедленном или ускоренном темпе они двигались, какое примерно количество участников проливало слезу, много ли уже было «неустойчивых». Представлений о потустороннем мире явно не хватало. Побеждало светлое начало — покойники мне не снились никогда.

«Последний приют» был квинтэссенцией «райцентра». К городской достопримечательности примыкали огороды садоводов-любителей, тюрьма и несколько колонок, расположенных на почтительном расстоянии друг от друга. Чуть подальше находилось трамвайное депо, завиток трамвайного кольца и базар.

Прямое назначение «объектов» порой отходило на задний план. На кладбище проходили сдачи зачетов по физической культуре школьников из близлежащих образовательных учебных заведений, а также студентов сельскохозяйственного института, в котором в то время учились и китайцы. Огороды, расположенные в логах под кладбищем и старым мостом, радовали богатыми урожаями. Из-за тюремных стен на наши головы сыпались записки с просьбами, призывами о помощи, угрозами и даже признаниями в любви. Колонки ломались и замерзали, особенно в сильные морозы, так что оживительной влаге, перебегав все одну за другой, приходилось только мечтать. Трамвайное депо, освещая Разгуляй огнями и сполохами бесчисленных сварок, переносило невольных зрителей в последний акт балета «Лебединое озеро» с грозой и злым Гением, использующим в своих неблагородных целях световые и пиротехнические штучки. Во всяком случае, в трудовых буднях предприятия было что-то inferнальное. Трамваи, поворачивая в кольцо, проезжали всем жителям «райцентра» по зубам. На деревенском базарчике пахло так вкусно и всего было так много, что хотелось купить как раз то, на что не хватало денег.

Нельзя не вспомнить о приводивших в неведомый трепет церквях... Самая ближняя из них (ныне Успения Божьей Матери), полуразрушенная, заглядывающая с пригорка на старый мост, опекалась кладбищенской сиренью. На взгорье, у порога Камы, стоял первый и наироднейший собор Петра и Павла, в разбитом и низвергнутом приделе которого школьников заставляли метать учебные гранаты на уроках все той же кощунственной физкультуры. И, наконец, единственная, использовавшаяся по назначению, самая дальняя, расположенная с правой стороны лога, — Всехсвятская новокладбищенская церковь.

Несмотря на некоторые специфические особенности, Разгуляй строго подчинялся законам природы. Зимой нужен был глаз да глаз! Валил снег, грозивший упрятать его по макушку. Сутра пораньше или с вечера попозже огребались: кололи лёд ломом, скребли, подхватывали, тужились, кашляли, ледяной рукавицей смахивали слезу с разгоряченных щек. Ругались редко.

Топили печи. Дым шёл прямой – к морозу или рассеивался, валил клубами – к потеплению. А снег был чист. На нём отражался по вечерам свет, падающий из окон и попавший в зависимость от абажуров: оранжевых, жёлтых, красных, с тенями длинных кистей, нависших над уютными столами. В комнатах вкусно пахло щами, приготовленными в печи, картофельными шаньгами, ягодными киселями, припасами, принесенными из кладовок, солёными грибами, капустой, яблочками, сваренными на меду.

А безумные ледяные горы, нависшие над логами с их незамерзающими ключами, стекающими в Егошиху! Они принимали полёты и падения лыж, грохот санок, посвист дощечек, опекавших детские зады, весёлый смех и слёзы, пролившиеся над разбитыми носами и губами. Над ними витал дух рождественских праздников – мандариновый запах и шелест фантиков от конфет, оставшихся от подарков, извлеченных из-под волшебных ёлок и взятых про запас на зимнюю волю, чтобы была ещё слаще.

А как хороши были зимние сады! Днём – в белоснежных халатах, в которых запуталось холодное солнце, со следами спелогрудых снегирей и позванивающей от ветра, словно маленькие колокольчики, китайкой, окованной ледяной оболочкой. Лунными ночами сады рождали своих двойников у каждого дерева и куста. Как благодатны и глубоки были нерукотворные сугробы, принимающие в свои объятия! Упав в них, мы обращали отроческие лица к Млечному пути, не пытаясь найти на нём свою тропинку, а с единственным желанием – услышать тишину и ощутить ясность Божьего промысла. Только нам сияли многочисленные рождественские звёзды. И так до самой весны...

С её приходом в раскисших дворах пускались в плавание доски – до калитки и обратно, – как хотите, так и выбирайтесь! Но зато в каждом из них распускалась верба, и солнце, радуясь вместе с нами, умудрялось проникнуть через паутинки оконцев в чуланчики и кладовки, за печку и под стул. Оно дрожало, переливалось, перекачивалось золотым шари-

ком куда вздумается. Волны света гуляли по горам подушек, покрытых белоснежными кружевными накидками; по молочным кисейным покрывалам с проступающими на них белоснежными лилиями; по настенным коврикам с лебедями и замками, в которых зажигались диковинные луны над ночными озёрами и огни в башнях; на домотканых половиках и круглых половичках, досыхающих у порогов, сладко пахнущих прибитой пылью.

В солнечной яви оживали и вышивки многочисленных рукодельниц, созданные по мотивам русского фольклора и зарубежной классики: Аленушки с волосами василькового цвета, желтая ступня которой соприкасалась с озерцом заборного оттенка; Ромео и Джульетта, заключившие друг друга в нечеловеческие объятия и смотрящие на своих хозяев сведёнными к переносице глазами из черного и белого мулине; непрозрачная Красная Шапочка в возрасте перезрелой девицы, ведущая беспросветный диалог с Серым волком, покушавшимся лишь на то, что было у нее в корзинке... Оттеночных ниток хронически не хватало.

Весна заканчивалась весёлым тёплым дождиком, под которым весьма неважно чувствовали себя коралловые червяки, выбравшиеся наверх из-под осевших дворовых досок. Вот тогда-то и превращался Разгуляй в божественный фиал! Сразу же в наши окна заглядывали яблони. Сколько их было, этих розово-белых уст-недотрог, дарящих первозданную свежесть! Мы и не мечтали о яблоках — хотелось длить жизнь ветвей и цветов. Один сад шептался с другим, и каждый хранил свою тайну.

И, наконец, приходила Сирень! Её шествие опрокидывало всё, что называлось Разгуляем. Она заключала его в объятия, лелеяла до умопомрачения, и, разбушевавшись вконец, забывала о нём, опрокидывая на дно егошихинской чаши и прорываясь в высоту. До безумия доводила персидская: было не до поисков Счастья — мы только и делали, что ныряли в неё с головой, забывая о предостережениях взрослых. Игры Сирени казались бесконечными. Мы посягали на домашнюю, драли кладбищенскую и из логов, ставили в банки, вазы, кувшины, в большие кастрюли, на столы, буфеты, тумбочки и этажерки, превращая комнаты в сады Эдема.

Вслед за Сиренью произносила свое слово Земля. Из-под досочек, остатков поленниц, скамеек, проржавевших леек и дождевых ванн

вырывалась Трава. Она желала только одного – затянуть Разгуляй до пупа. Удивляя молодой силой, стремилась поглотить цветы, оторопевшие от неожиданности; делала невесомыми садовые беседки, лишая хозяев возможности видеть их опоры. Мы играли в мячи и лапту на лучших зелёных коврах, не боясь порезаться стеклом или краем ржавой консервной банки; переполненные дождевые бочки служили нам чистыми зеркалами и роскошными ваннами. Опутанный дворовыми паутинами и приглушенный травами, Разгуляй погружался в летний полуденный сон в ожидании Спелости. О ней оповещали обрывки весёлой речи, доносящиеся из садов, звон ведер и крышек, падающих с бидонов. Собирали всё подряд: викторию, вишню, смородину и крыжовник всех мастей. В августе начинался Яблокопад. Пространство садов напрочь забывало о покое: трясли ветки, обрушивая плоды в ведра, тазы, наконец, просто на землю. Но лучшими из многочисленных были только те, медовые, с янтарными прожилками, хранящие маленькое солнце в каждом из них.

Из раскрытых окон доносились обрывки заботливой речи, звенели поварёшки, хлопали крышки кастрюль и створки кухонных шкафчиков, грохотали двери чуланов. Какофония звуков преобразовывалась в симфонию запахов – варили варенье, и весь «райцентр» превращался в уютную чистенькую кладовку с аккуратно покрытыми газетами полками, принимающими на себя ответственность за хранение всей тяжести и спелости вверенных им ароматных сокровищ до будущей плодово-ягодной неразберихи. Грибы солили втихаря и не очень хвастались этим – оставляли лакомства для себя и хороших гостей.

И, наконец, со стуком школьных башмачков по асфальту приходила Золотая Осень. Вместе с ней рыжел и еле-еле вылезал из дворовой будки лохматый Рекс. Все длиннее становилась дорожка от дома до учебного расписания. Щурились, останавливались, вертели портфелем у каждого столба: у трамвайного депо, у короткого, засыпанного листьями скверика, – пока не упирались в школьную дверь. В неё с упоением уносились с улицы распахнутые, как ладошки, кленовые листья для закладок в учебниках. И все мы, дети Разгуляя, ждали последнего в этом году чуда. На фоне предстоящего тривиального капустного засола – с бочками, гирями, можжевельными ветками – чудо было возвышенными ослепительным.

Перед ноябрьскими праздниками по крыше депо начинал ходить маленький трамвайчик. Он был побольше игрушечного и несравненно меньше настоящего — единственный в своем роде. Казалось, что его дорога вперед и назад будет вечной. Над кабиной водителя развевался красный флажок, внутри сидели куклы. Но даже из моих окон, выходящих прямо на крышу, по которой совершался загадочный маршрут, невозможно было разглядеть, кто его ведёт и кто наслаждается поездкой. Как-то в ночь очередного праздника, он сгорел от короткого замыкания, а вместе с ним — безвестные пассажиры, безропотно разделившие его судьбу. Трамвайчик был детищем Разгуляя, частью его стихии, неизвестно откуда взявшейся, неизвестно на что растраченной, — целой жизнью, меняющей поколения на поколения внутри своего замкнутого и сокровенного мира.

Разгуляйские тайны

Хлопает щеколда, и дверь, ведущая из наших сеней во двор, покрытая вечерней изморозью, медленно открывается. По двору ходит девочка в пушистой белой шапке, короткой шубке из китайского меха и в валенках. Она держит за две лапки кота и водит его перед собой. Переступая по расчищенной от снега дорожке и подняв мордочку, кот преданно смотрит в хозяйкины глаза своими зелёными очами. Шерсть кота чёрная и гладкая, переливающаяся под лунным светом. Зовут его Мулат. Вера – единственная девочка в этом дворе, теперь прибавилась ещё и я. Живем мы за стенкой, так что можно и перестукиваться, когда захочется.

У нас с мамой маленькая кухонька с печкой и полатями, ведущая в комнату. Всё уже расставлено по местам – железная кровать с горкой подушек, кружевной накидкой и бухарским шёлковым покрывалом;

старинные каминные часы из чёрного мрамора с позолоченными стрелками на белоснежном циферблате, стоящие на лаковом столике с открывающейся крышкой; ночная лампа с матово-розовым стеклом, напоминающим по форме створки раковины и переходящим в расписанную голубыми цветами нижнюю фаянсовую часть, где «живёт» электричество. Посредине – круглый стол с нависшим над ним оранжевым новеньким абажуром, на стене у маминого дивана – огромный азиатский ковёр вишнёвого цвета, с расцветающими на нём узорами. Впритык к стене стоит пианино, на полу около него – пачки книг: их пока некуда девать.

Вот и приехали на новую квартиру... Хорошо, хозяйева Жунёвы хоть дровишек дали, а то бы замёрзли – где их в декабре достанешь! Тетя Зоя работает в банном киоске. У неё золотые зубы, и она всегда улыбается. Кто знает, может быть, и в самом деле добрая? Так начинается моя новая жизнь: ношу дрова, вместе с мамой топлю печку. За водой надо бегать на колонку – беру коромысло, два ведра и, как девица-красавица, иду, позвякивая ими. «Тихонько неси, – учит меня Верин папа, дядя Сережа, – не плечи, а то замочишь валенки!». Мама не разрешает мне носить полные вёдра, но я все равно это делаю – кому захочется ходить по колонкам? Пока найдёшь воду – сам в сосульку превратишься. «Скорее заходи, торопит мама, – тепло уйдёт!».

Сегодня воскресенье. Сейчас истопим печку и поставим в неё жаркое – в этот раз полная кастрюлька. Не то, что в прошлый раз, когда пробежала мышь... Мама закричала, схватила кастрюлю в руки, вскочила на стул, не устояла на нём и шлепнулась, перевернув на себя картошку, морковь, лук и мясо. Ох, и хохотали мы потом!

Не так уж много у нас места, но если очень понадобится – найдётся! По вечерам я начинаю прыгать на пружинной кровати всё выше и выше, а потом изображать всех родных и знакомых: нашу тётю Мусю с её ангельским видом, профессора Аркадия Лавровича – как он играет со своим доберман-пинчером Джеком, нянечку из маминого госпиталя Марию Федоровну, которая остаётся со мной, когда мама уходит на ночное дежурство. Головка у неё – как Пизанская башня, ножки – как щепки и кривенькие, а сама похожа на вяленую воблу, но вид у Маруси всегда очень строгий, хотя я-то точно знаю, что она добрая. Во время войны была медсестрой и спасала раненых, а потом работала в Нытвен-

ском детском доме. Вот и на меня недолго сердится. «Мать придёт утром – пельмяни в углу!» – назидательно говорит «опекунша». Пельмени, настряпанные ею при моей искренней помощи, действительно лежат на досочках в углу сенок, закрытые сверху газетами.

Иногда со мной остаётся и пенсионерка-повариха Мария Павловна. Она высокая, пышная и гордая, а майонез называет «эмтээсом». Мария Павловна – вдова комиссара, а дети её все умерли маленькими. Я люблю к ней прижиматься, особенно к животу. С её приходом в нашем доме становится уютнее: пахнет луком, потом котлетками, иногда толчёной картошкой, предназначенной для шанег, от которой поднимается пар. Ничего не оставляем на потом – едим с утра до вечера и радуемся хорошему аппетиту. А ещё гадаем: «Ну-ка, переверни», – говорит полупрофессиональная гадалка, разложив карты, – своей рукой надо! Не иначе, Бебочка, ждёт тебя успех!».

«Успех» приходит скоро. На уроке литературы нам задали писать сочинение по картине художника Левитана «Владимирка». Ну что – дорога как дорога, ничего особенного... Оказалось что по ней гнали в Сибирь несчастных декабристов и революционеров. Вот тут-то я и развернулась! У преподавателя литературы Людмилы Ивановны Чиркиной создалось впечатление, что я тоже побывала на каторге – так образно и ярко были описаны перепетии путешествия героев. Но литературный успех плавно перешел в подозрение педагога. Не обнаружив на моих ногах признаков кандалов, славист закончила небольшим допросом на тему: «Где, у кого и при каких обстоятельствах списано сочинение?».

В это время мне уже шили новогодний костюм Снегурочки, ведь чёрные глаза, две чёрные косы и смуглое лицо – просто идеальный вариант для дочери Деда Мороза в госпитале инвалидов войны, где работает врачом моя мама Женя. Впрочем, всё это ещё впереди, а пока – потрескивают дрова в печке, ритмично танцуют тени на противоположной стене, тикают дедушкины часы, издавая мелодичный звон. Самое время посидеть у огня и помечтать...

Вчера дядя Серёжа принес домой ёлку, а потом пролетел по двору с большим ящиком под мышкой – значит, готовится к Новому Году. Вера называет папу «Понец», может быть потому, что он быстро бегают; но на пони он совсем не похож – скорее на ракету, от которой в глазах остаются только разноцветные искорки. Ну и летает: в сарай – за

дровами, к клеткам кроликов — дать корм, с огромными санками — неизвестно куда и зачем. Понец похож на длинную спицу, а лицо у него вытянуто, как восклицательный знак. Он смешно картавит, обо всех новостях знает первый, всему рад, над всем подшучивает, а дочку Веру — обожает. И ещё очень интересуется жизнью майора Пронина, описанной в журнале «Огонёк». Когда Понец не может достать её «продолжение», то вместе с нами ездит через весь город на трамвае на площадь к заводу Дзержинского, где радио оповещает о подвигах майора, о которых мы узнаём с замиранием сердца.

Одного не могу понять — зачем ему этот майор, когда в домашней библиотеке у Лапшиных есть такие книги, что с ними можно голову потерять: Майн Рид, Вальтер Скотт, Жюль Верн и особенно двухтомник «Мужчина и Женщина». Эту энциклопедию мы с Верой смотрим днём, когда все на работе. Оказывается, мужчины и женщины живут во всех частях света; среди них есть совсем дикие, а есть и образованные; встречаются и очень страшные — это пауасы, у них на голове перья вместо шляп, а в руках вместо портфелей и хозяйственных сумок — стрелы и горшки. И ещё в энциклопедии написано, что мужчины и женщины «созревают». Это что, как плоды на дереве или как овощи в огороде? Цветные картинки спрятаны под белой папиросной бумагой, которая прилипает к пальцам. Пока я стараюсь открыть очередную, Вера смотрит в окно на входную дверь.

Один раз нас чуть не застучали; правда, тогда у меня дома мы рассматривали справочник прабабушки Цецилии Яковлевны «Акушерство и гинекология», который я достала из старого заветного сундука. Там женщины были разрезаны вдоль, а в животе у них — как рогалики — разместились «плоды». Неужели бедным матерям так достаётся, прежде чем они родят ребёнка? До замужества нам с Верой ещё далеко, но напугались мы сильно, а тут ещё раздался стук в дверь. Это пришёл сосед дядя Коля Дюкин жаловаться на нас моей маме. Он никогда не ходит один, рядом всегда овчарка Марта. К нам во двор и так-то нос бояться показать, а чтоб было понятней, почему у нас так страшно, мы с Верой немножко заклеили табличку на воротах «Осторожно, во дворе злая собака!», сочинив другой более правдивый конец — «Осторожно, во дворе злой дядя Коля!». Наш сосед всегда угрюмый и везде сует нос, а его бедная жена с приёмной дочерью даже цены на книгах стирают резинкой и ставят новые, поменьше. Ему ещё повезло, что мы

не такие озорники, как Макс и Мориц, которые воровали крючками через трубу у повара жареных цыплят, подсыпали порох в трубку пастору или сажали под подушку жуков. Ну, через дырку в стене в коридор Дюкина бросим разок-другой бумажки, да камешки — это же мелочи! Хотя однажды связаться с дядей Колей всё-таки пришлось...

«Знаешь, Бебка, а у Тamarки Зуевой, говорят, хвост есть», — тайношвенно оповестила меня Вера. Изумлению моему не было конца. Хвосты я видела только у чертей в раннем детстве и то на переводных картинках. «Слушай, давай яблок нарвем! Мы Тamarке — яблоки, а она нам хвост покажет!». Плоды созрели пока только на дяди Колиной яблоне — той самой, где яблоки с медовыми прожилками. Вера уже стоит с длинной палкой, а я — на стреме. Бум, бум, бум — яблочки чокаются с землёй. Здорово получается! Вместо того, чтобы смотреть на проход между кустами, ведущий от дома, я слежу за ловкими упражнениями по сбиванию цели. Первая партия уже растолкана за пазуху, и вдруг вижу окаменевший Верин взгляд. В кустах, напротив нас, оскалившись и часто дыша от жары, стоит Марта, а рядом — ну очень злой дядя Коля.

Несемся ко мне и, захлопнув дверь, забрасываем яблоки под лестницу. Наш преследователь требует открыть — открываем... Он поднимается в нашу квартиру, осматривает кухню, заглядывает на печку, в кастрюлю, в шкаф для посуды, под диван и кровать. Ни-че-го! Поводя глазам, спускается по лестнице вниз, хлопая дверью. Натерпевшись страха, извлекаем из подполья золотые плоды, обтираем приставшую к ним грязь, складываем их в сеточки, пристёгнутые на булавки изнутри к шароварам. С ангельскими лицами проходим по двору, еле шевеля ногами.

На старой веранде Тamarкиного дома, в отсутствие посторонних наблюдателей, совершается торг... Хвост у Тamarки крохотный и без шерсти, не то что у нарисованных чертей. Стоило ли из-за такого страдать?! Правда, вряд ли где-нибудь увидишь подобное? «Растроились? — с сочувствием говорит соседка, принимая фруктовый дар. — А у меня ещё вот что есть!». Ну и пальчики! Два из них — на правой руке — как детские пирамидки из кругленьких шариков, поставленных друг на друга, — так и хочется их разобрать! Даже в энциклопедии «Мужчина и Женщина» такого не найдешь!

Вдруг раздается стук топора. Почти прямо над нами на дереве, в соседнем саду за забором, сидит сосед Постников и рубит под собой сук.

Лицо его печально, домашние тапочки болтаются над ветками. «Опять! хихикает Тамарка. – Побегу жену звать, а то как срубят – упадет». У Постнятки веток на яблоне осталось не так уж много, а «Скорая помощь» приезжала только вчера. «Это ещё что! – по секрету говорит нам Вера. Он или сучья под собой рубит, или бежит к базару «пожарку» вызывать когда Козлов с Бутиковым дымовуху во двор бросают».

Но вообще-то у нас в Разгуляе всё нормально – цветут-расцветают сады, радуются дети, волнуются взрослые, ласкаются кошки, лают собаки... А где не бывает исключений?

Танец маленьких лебедей

Больше всего на свете я любила разглядывать картинки. Особенно привлекали внимание — загадочные, нарисованные в журнале «Пионер». На ветках деревьев, в корнях, засыпанных снегом, разместились звери и птицы. Требовалось их разглядеть, найти, сосчитать, и только конкретным числом находок определялся успех осуществлённых поисков.

Радовали и иллюстрации к журналу «Огонёк». В нём размещались цветные вкладки с репродукциями картин русских и зарубежных художников. Среди этих ещё не переплетённых страниц мог найтись итальянский дворик, залитый солнцем, и загадочно улыбающаяся девочка с осликом; подводное царство с заморским гостем Садко, взвихренное пляской морских чудовищ; возникающая из сумрака ночи крохотная женская фигурка, затаившаяся в кустах сирени. Незнакомый мир жил по своим законам. В нём царила свобода и непредсказуемость.

Об этом даже не догадывалась моя одноклассница и подруга из

школы, в которой я училась, прежде чем мы с мамой переехали в Разгуляй. Таня Бютнер была развесёлой рыжеволосой девочкой с прелестным круглым личиком и ямочками на обеих щеках. Она хорошо бегала и прыгала и, в отличие от автора этих строк, отнюдь не парящего в воздухе, мечтала о балете. Как ни странно, при моём патологическом страхе к физкультуре, именно это обстоятельство сблизило нас. Несмотря на то что у меня появились новые подружки, старая дружба не ржавела, и при каждом удобном случае мы непременно встречались.

Семейство Бютнер жило в старом каменном, красного кирпича, двухэтажном доме на улице Пушкина. Он стоял за углом Комсомольского проспекта. Танин папа был много претерпевшим поволжским немцем. В своё время от всяческих бед его спасала тётя Тамара. Ещё до войны они с мамой учились на одном курсе в медицинском институте.

Генрих Бютнер, трудившийся где-то в качестве строителя, вызывал у меня неизменный интерес. Именно благодаря ему я окунулась в фантастический мир сказок писателя Гофмана, которые обожала, особенно «Щелкунчика и мышиноного короля». Мне казалось, что Танин папа чрезвычайно похож на кукольного мастера Дроссельмейера.

Бютнер отличался небольшим ростом, худобой и подвижностью. Возникало ощущение, что он постоянно куда-то торопится. Карманы его пиджака были всегда оттопырены. Содержимое вызывало наше неизменное любопытство, и мы, порой тайком, заглядывали в них, обнаруживая внутри карманов какие-то коробочки, пружинки, винтики, кусочки дерева, словно он всё время собирался что-то мастерить.

В отличие от Дроссельмейера, Танин папа не носил стеклянный колпак на голове, зато имел пронзительный взгляд. Казалось, он видит насквозь — не только людей, но и предметы. Сходство с чародеем помогали обрести большие настольные часы в гостиной. На них я, внутренне содрогаясь, мысленно усаживала Генриха. Как правило, это случалось, когда мамино дежурство в госпитале падало на воскресенье. Забрав с собой школьный портфель, я отправлялась к Тане. Вместе мы учили уроки. Хотя домашние задания часто не совпадали, заниматься в компании все равно было веселее. У Тани я оставалась ночевать.

От ожидания некоего волшебного действия, после вечернего боя часов, я словно становилась меньше ростом и растворялась в воздухе. Добираясь до постели в состоянии невесомости, в виде легкого облака, я

парила над ней в тревоге и ожидании, прислушиваясь к каждому шороху. Однако ничего не происходило. Это состояние сопровождало меня и в те вечера, когда Бютнер шёл провожать меня до дома после поздних зимних игр, которыми мы так увлекались с Таней.

По странному совпадению, именно Генрих купил билеты на балет «Лебединое озеро». Из его дома и отправились в театр две подружки, одетые в лучшие по тому времени шерстяные платья и шубки из кроличьего меха.

В вестибюле суетились. Вместе с морозным паром сюда заглянула зима. Мамы, пришедшие на утренник с детьми, кому-то растирали замерзшие щёки, поправляли смятые бантики и оборки на платье, подтягивали шнурки и застегивали сандалии. Мальчики же были беззаботны, независимы и слушались в одно ухо. Из буфета струился многообещающий аромат пирожных и лимонада.

В те времена театр в провинциальном городе занимал особенное место. Дети, попав в него, не галдели, а начинали сразу же сосредоточиваться и оглядывали ложи, как берега неведомой реки, возвышающейся над партером. Взгляд поднимался к люстре, царящей над ними вместо светил, и останавливался на тяжёлом занавесе, делящем пространство на видимое и неведомое. В креслах партера бархат был таким вязким, что, утонув в нём, невозможно было подвинуться. Чтобы усесться поудобнее, требовалось встать и, рассчитав местоположение, сесть ещё раз, наверняка.

Пространство охранялось бабушками. Одновременно они продавали театральные программки. Приглашая войти, старушки были заботливы, любезны и тем самым располагали к себе. Только одна из них, как мне показалось тогда, отличалась замкнутостью и напоминала персонаж из западноевропейской сказки – царицу, высохшую от страданий. На самом деле Варвара Аполлоновна, в прошлом балерина, хранила во всём внешнем облике горделивую осанку статс-дамы.

Позднее моё впечатление о ней изменилось. Оказалось, что Дэмерт весьма живая и подвижная. Этому была причина. По доверительному признанию самой Варвары Аполлоновны знакомым, перед очередным спектаклем она выпивала рюмочку коньячка, что весьма положительно влияло на её театральную деятельность.

Однако вернемся к балету... Кто же не знает содержания «Лебедино-

го озера»? Разве что обитатели Антарктиды, не представляющие себе, что такое поезд? Стоит ли, в самом деле, пересказывать известное всем либретто? Другое дело, поговорить о том, каким светом неземных истин оно осветило наш детский мир.

Герои спектакля жили иной жизнью. Все они были разнаряжены в пух и прах. Им не нужно было вставать рано утром, чтобы идти в школу, собирать макулатуру и металлолом и извиняться за плохие отметки. Принц Зигфрид беззаботно охотился, развлекался с друзьями, танцевал, сколько хотел. Всё портила его мать-королева, требовавшая, чтобы он как можно быстрее женился. А кому хочется потерять свободу?

И вместо того чтобы выбрать на балу невесту, молодой человек сбежал из дворца и оказался на озере. Вот тут-то всё и началось! Встретив Одетту, заколдованную принцессу, превращённую в девушку-лебедя, он совершенно потерял голову. Герои спектакля просто летали по воздуху — то от счастья, то от несчастья — никак не могли остановиться, а подруги Одетты всячески им сочувствовали. У всех лебедей были очень хорошие отношения друг с другом. Старшие учили танцевать младших, а те совсем не предавались тоске. Над озером светила луна, освещающая волшебный замок. И мир был таким таинственным и прекрасным. Пахло водорослями и прибрежной травой. Ах, как они танцевали, эти маленькие лебеди, — лучше всех! Так дружно, так весело, так беззаботно, словно и не были заколдованы!

Оказывается, то что было скрыто от наших глаз, уже существовало в каких-то пределах. Там таилась неподвластная никому история, которую никто не мог изменить — красота, тайна и свобода. Ну, в общем, всё, чего нам так не хватало...

С той поры никакие заботы не могли отвлечь меня от главного, определившегося в эти годы — страсти по балету «Лебединое озеро». Его нужно называть только с большой буквы и совсем не потому, что под музыку Петра Ильича через много лет после детства начали происходить аномальные явления. Как следствие его звучания — похороны первых лиц государства. Для нас балет Чайковского стал областью мечты.

Не заставив себя ожидать фею, которая исполнит наше желание уйти от изнурительной действительности и обрести свободный полёт, мы с Таней решили поступать в хореографическое училище.

В те времена, как, впрочем, и сейчас, оно находилось рядом с маминим госпиталем инвалидов Великой Отечественной войны. Медперсонал бегал обедать через двор в дверь училища, ведущую в столовую, где балетных кормили недорого, вкусно и придерживаясь диеты. А юные артисты, принимая во внимание услугу со стороны училища, наносили ответные визиты, усердно залечивая травмы и сезонные простуды, и перебегали через тот же двор, только в обратном направлении.

Пребывая в раздумьях по поводу предстоящего просмотра в училище, я решила удивить экзаменаторов и показать, что поступающая далеко не новичок в мире танца. Пришлось обратиться к народному фольклору. Уже упомянутый журнал «Пионер» проявил ещё одну заботу о детях. Он напечатал рисунки танцев народов СССР, а также и последовательность движений в них.

Для меня самым доступным оказался татарский. Достав из дедушкиного сундука тюбетейку, привезённую из Узбекистана в 30-е годы, я начала лихо шлепаться на пол, и, именно как восточная дева, крутить двумя кистями рук у головы. Таким образом, думая о зрителях, я постаралась напомнить им о тесных узах братства народов, проживающих на территории нашей необъятной страны. А, кроме того, ещё и о том, что татары, как и узбеки, тоже пьют из пиал.

Переговоры моих родственников о предварительном просмотре будущей знаменитости прошли на высшем уровне. И, наконец, в одно прекрасное апрельское утро, моим очам предстала раздевалка хореографического училища, куда меня привела мамина тётя Рашель.

Юные балерины в трусиках и косках напоминали прелестных насекомых, так любимых автором этих строк в детстве. Их тоненькие ручки, похожие на крылышки стрекоз, просвечивали на солнце. Они летали от одного шкафчика к другому и по очереди задавали один и тот же вопрос: «Ты к нам? Ты к нам?».

В отличие от уже определившихся, я не могла дать ответ, и, сняв верхнюю одежду, с ужасом обнаружила на себе некий изъян — синие ватные рейтузы, не соответствующие не только сезону, но и ситуации. Да и внешне я скорее напоминала не парящее создание, а спелый фрукт, выпавший из корзинки.

Не успев обидеться на тётю, так нелепо одевшую меня для просмотра, я вместе с ней оказалась в старой зале, многочисленно отраженной в зеркалах, расположенных вдоль стен, и, чтобы смирить волнение,

ухватилась за длинную палку – станок, обрамлявший весь танцевальный класс. Навстречу нам, как мне, очевидно, представилось в эти минуты, из противоположного зеркала вышла величественная дама. Медленно и тяжело ступая, она подходила всё ближе и ближе, расширяя пространство своим присутствием. В её внешности было что-то от царицы Екатерины Второй, находящейся в весьма зрелом возрасте, цветной портрет которой, под пергаментной бумагой, хранился в одном из томов издательства Брокгауз и Эфрон, стоящего в нашем книжном шкафу и посвященного творчеству лорда Байрона.

Своей массой дама напоминала пористый каравай, но в отличие от царственной особы, лицо коей было раскрашено румянами, её хранило бледность. И только волосы, зачёсанные назад, как у балерины, могли натолкнуть на мысль о принадлежности особы к этому виду искусства.

Как выяснилось позднее, это была Ксения Андреевна Есаулова – художественный руководитель училища и известный балетмейстер.

Прежде всего, испытываемую с ног до головы подвергли тщательному осмотру. Стало холодно и зябко, как в рентгенкабинете. После моих отчаянных прыжков вперёд и назад, поднимания ног по просьбе хореографа, случилось непредвиденное. Подойдя поближе, Есаулова решительно взяла мою ногу и, задрав её, поставила на станок так высоко, что от неожиданности я заорала. Зато, в качестве компенсации за мой детский страх, балетмейстер любезно согласилась посмотреть татарский танец в авторском исполнении. Впрочем, возможно это был реверанс в сторону сопровождавшей меня тётки Рашели – известного в нашем городе детского врача.

Увлечённая пляской, я не заметила реакцию Ксении Андреевны. Однако, несмотря на старания, после просмотра танца эпикриз был неутешительным. Выяснилось, что судьба солистки балета мне не грозит. В лучшем случае в будущем светил кордебалет. Я не отличалась ни изяществом, ни гибкостью, не была тонка в кости, и вряд ли в будущем смогла бы, согласно строкам Пушкина, летать по сцене, «как пух от уст Эола». Впрочем, одно преимущество дебютантки всё-таки оценили – легкий прыжок назад.

Как ни странно, несмотря на столь печальный приговор, ни маме, ни моим родственникам не удалось вылечить свою подопечную от высокой болезни. Желание танцевать было столь велико, что мы с Таней, ещё не

подвергнувшейся экзекуции просмотра, решили достичь совершенства самостоятельно и непременно разучить «Танец маленьких лебедей».

Судьба распорядилась таким образом, что вскоре наступило лето и родители, не особенно интересуясь, хотим мы этого или нет, определили нас в пионерский лагерь, расположенный на противоположном берегу Камы в Верней Курье.

Вот сюда-то и привёз нас речной трамвайчик, пропахший соляжкой. Он пыхтел, фыркал, дребезжал, рассекая камский простор, сначала вправо, а потом и наискосок. И, наконец, впечатав нос в песок, предложил нам срочно его покинуть. Спустившись по трапу вниз, мы ступили на влажный песчаный пляж. Над нами возвышался сосновый бор – предел мечтаний старых пермяков, с дореволюционных времён переселявшихся сюда в качестве дачников на лето.

С той самой поры улицы Курьи именовались линиями. Они располагались параллельно реке и представляли собой утопанные полупесчаные тропинки и лужайки, посыпанные сверху сосновыми шишками, упавшими с деревьев. Кое-где было слишком много песка, который от избытка массы никак не мог уплотниться. Это вызывало некоторое неудобство и заставляло приплывших время от времени снимать босоножки и сандалии и вытряхивать из них песок. Линии уходили в глубину посёлка, плавно переходя в царство леса. Наш лагерь располагался далеко от пристани. Впрочем, это нас несколько не смущало. Мы бежали вперёд, обгоняя мам и радуясь свежему летнему утру. Узкая дорога, с проступающими на её поверхности переплетенными корнями старых сосен, царила над высоким берегом. Сквозь ветки проступала яркая синева неба и реки. Легкий хвойный дух располагал к беззаботности.

Однако наше приподнятое настроение сменилось недоумением. Лагерь, в котором нам предстояло набраться сил и окрепнуть, находился в непонятном и весьма романтическом соседстве с местным кладбищем.

Это способствовало развитию воображения. Сценография места была такова, что своей потусторонней сутью она отдаленно напоминала Тане и мне картины из балета Чайковского.

Памятники, окружённые высокими деревьями, представлялись нам развалинами замка; просветы реки сквозь сосны – волшебным озером, а все, кто появлялся перед нами в белых халатах – врач, медсёс-

тры, повар и работницы столовой, жертвами Злого Гения, ничего не оставившего в них от прекрасных девушек.

Дождавшись, когда все заснут, две тени неслышно проскальзывали сквозь спящий кордон. Одолев забор, отделяющий лагерь от приюта скорби, и, оставив за спинами близстоящий к лагерю памятник, они устремлялись к реке, играющей лунными отражениями. Над противоположным берегом горели редкие огни уснувшего города с невидимым замком и лебедями, склонившими крылья. Пахло камской водой и водорослями.

«Завтра начинаем тренироваться!» – решительно сказала Таня. Задача, которую мы поставили перед собой, была осложнена одним обстоятельством. В спектакле танец исполняли четыре лебедя, а нас было только двое, поэтому пришлось несколько подредактировать хореографию балетмейстера Петипа.

Мы договорились. Сначала будут такие же движения, как в балете. Руки крест-накрест, прыгаем козликами вправо, и голова всё время вправо. Потом так же прыгаем, только влево и голова влево. После этого ноги вперед, а затем отбрасываем их назад. И так мы повторяем рисунок танца раз эдак восемь.

Далее же следовало то, что даже и не могли предположить лебеди из балета Чайковского. Разбегаемся в противоположные стороны и прыгаем друг другу навстречу. Одну ногу согнув в колене, а другую, откинув назад. Наконец, мы обе, скрестив на груди руки, падаем на одно колено, повернувшись лицом к предполагаемому зрителю. Такого номера уж точно не будет в программе заключительного концерта нашей смены!

И вот перед нами простор футбольного поля. На нём проистекает большая часть жизни юных ленинцев: сборы, бои местного значения – спортивные соревнования – и родительские дни. Дети, истосковавшиеся по сладостям, вместе с родственниками разбредаются по кучкам. Садятся на скошенную траву и опустошают сумки и корзинки.

По бокам поля – длинные скамейки для болельщиков и ещё одна. Она со спинкой и вколочена между двумя единственными деревьями таким образом, чтобы пионервожатые, назначающие друг другу свидания после отбоя, могли бы хоть на что-то опереться от избытка своих чувств.

Футбольное поле – самое подходящее место для репетиций! «Надо

как-то договориться с мальчишками», — подумали вслух будущие лебеди. И договорились. Часть поля тренировками и играми занимали они, а другую часть — мы. Руки крест-накрест, и прыгаем вправо и голову вправо. Ну, и всё такое, всё такое... Нас обдувает свежим ветерком с Камы. Мы покраснелись, но сил не убывает. Уже всё равно — светит ли солнце или на небе тучки, смеются над нами мальчишки или нет. Мы способны опоздать на обед, на полдник, или даже на ужин, когда особенно хочется есть. Желаем только одного — танцевать!

Приступом взяв баяниста Василия, в репертуаре которого исключительно пионерские песни и популярная в те годы «Молдовеняска» — символ дружбы народов, вызываем к творческой совести «слухача». Он, под нашим пионерским напором, не только подбирает гениальную мелодию Петра Ильича, но и снабжает её аккордами.

Мамы — Женя и Тамара, приехавшие навестить дочек и узнавшие от вожатой о нашем усердии, просят показать результаты творческого труда. Уж не знаю, что производит на них впечатление — то ли наше старание, то ли упрямство, но они обещают — костюмы будут! И мы идём гулять по Курье.

По линии, навстречу нам, тянется похоронная процессия. Дачники, временно потерявшие покой, выскочили из комнат — выразить сочувствие. По земле стелется длинный шлейф пихтовых веток, традиционно сопровождающих усопшего в последний путь. Поскольку оркестра не предвидится, всё действие свершается под звуки нетрадиционных и невидимых инструментов — пионерского горна и барабанов, попавших под руку ничего не подозревающих пионеров, озабоченных очередной репетицией. Они-то и звучат над кладбищем, нашим общим соседом.

Мы с Таней, конечно, тоже сочувствуем. Только ко всему этому как-то привыкли. Поскольку забор, отделяющий лагерь со стороны кладбища, очень низенький и перелезть через него ничего не стоит — частенько прогуливаемся вдоль могил. Около них растут берёзки и кусты сирени. Цветы попадаются тоже, правда, больше искусственные.

Никаких привидений мы ни разу не видели, хотя поглядывали и ночью. Вот у Гоголя мертвецы из могил встают, в гробах летают, вопят жуткими голосами, как и полагается нечистой силе. А здесь, как видно, все простые и тихие — не из героев. Не знаю, хорошо им на том свете, или нет, но, с другой стороны, никаких забот, не то что у нас. Вот, к

примеру, нужно белые перья раздобыть для головного убора лебедей.

На некоторых дачах вместо дачников за заборами бегают живность — курицы, петухи, но перья у них цветные, как у индейцев. В сарайках хрюкают свиньи, а на лугу, у Камы, пасутся скучные коровы. Всё это нам ни к чему — нужен лебедь или хотя бы гусь. Это Пушкину везло — перьев гусиных в то время было, хоть отбавляй, поэтому, наверное, и вдохновение не покидало...

Выручает случай. Наступает наш черед дежурить по столовой. После обеда, уставшие и сморенные июльской жарой, проходим мимо корпуса, где живут воспитатели. На крылечке сидит повариха Настя. В руках у неё подушка, а на табуретке, стоящей рядом, ножницы и горстка белого пуха. Она его перебирает. Приходится объяснить, что мы лебеди из балета и нам срочно нужен головной убор. Это производит впечатление. На следующий день мы приклеиваем концы перышек к картонному каркасу, скроенному по размеру наших голов ответственной пионервожатой.

А мамы, как и обещали, привозят пачки. Они из белоснежной марли и так накрахмалены, что стоят, как у лебедей в балете. Даже мерить страшно! Мы примериваем и пачки, и легкие тапочки, обшитые розовым атласом, и венцы из маленьких пёрышек и нежного пуха, украшающие голову. Теперь остаётся только ждать!

Наконец-то наступает долгожданный день — отчётный концерт нашей смены. Воскресенье. Приехали родители. В лагере весело и радостно. Сцена — открытая площадка без крыши. Позади неё большим плакатом отгорожено место для артистов, чтобы их не было видно.

Всё начинается с выступления хора с песней «То берёзка, то рябина». Под неё можно даже и помечтать... Куст ракиты над рекой, и река течёт без всяких препятствий, и ветерок, и пахнет водорослями и травой... Мне нравится эта песня, от неё как-то хорошо на душе становится. Но сейчас не до неё. И Таня вся какая-то зелёная прямо. Вот оно — творческое волнение! А концерт продолжается: матросский танец «Яблочко», частушки, грузинский танец, акробатический этюд, «Молдовеняска».

И вдруг начинается дождь. Сначала он моросит, но становится всё сильнее. Струйки воды текут по лицу, попадают за шиворот, растекаются по груди и стекают вниз. Мокнут наши короны, пачки опустились,

набухают тапочки. И мы, переглянувшись, начинаем плакать. Вот тут-то как раз и объявляют: «Танец маленьких лебедей!». Приходится выйти на сцену.

«Мокрые курицы!» – кричит кто-то со скамеек, и раздаётся такой хохот, что нам ничего не остаётся, как взяться крес-накрест за руки. Сжав зубы, смотрим на баяниста Василия, который озорно подмигивает и ставит баян на колени.

Мы танцуем, не чувствуя того, что в тапочках хлупает вода, что, окончательно размокнув, пачки прилипли к телу, а короны упали на глаза. Танцуем из всех сил и возможностей! Сначала прыгаем вправо и голова вправо, а потом – налево и голова тоже налево, ноги – вперед, ноги – назад. Нам становится так хорошо, так легко, и мы с Таней, разбежавшись, прыгаем друг другу навстречу и падаем перед зрителями на колени, скрестив руки на груди.

Поднимаем голову, а на нас со скамеек смотрят такие же мокрые курицы. И все просто умирают от хохота, ощущая ту единственную и самую прекрасную на свете свободу – быть самим собой.

Ленина, 7

Эта улица прошла лейтмотивом по всей моей пермской жизни. В самом начале её стояла образцово-показательная школа № 95, в которой училась егошихинская шпана, проживавшая в логу мебельного завода и на горе, возвышающейся над ним. Ходили в классы и внешне умиротворённые дети, жившие недалеко от старого моста, напротив кладбища, с разных его сторон; у тюрьмы, с оторвавшимся от неё садом Декабристов; у крохотного базарчика, примыкавшего к трамвайному кольцу. И все вместе мы бегали в булочную с подгнившей верандой, в которой кондукторы меняли мелочь, и занимали длинную очередь за квасом к единственной на весь Разгуляй бочке.

Встречаясь на улице, мои сверстники мирно кивали друг другу головой, но в школе у них возникали фантазии. Особенно у одноклассника Вальки Хлыбова, третьегодника, невесть откуда свалившегося на голову педколлектива. Всегда утомленная литераторша Людмила Ивановна Чиркина как-то дала задание – составить предложение со словами-исключениями: бульон, павильон, почтальон, медальон. В классе на последней парте уже сидела директор школы, волею судьбы оказавшаяся рядом с Хлыбовым. Отреагировав на задание, одноклас-

сник завис в пространстве, и, наконец, со всклоченной головой, кратко отписавшись, самодовольно осмотрелся. Заглянув к соседу в тетрадь, директор схватила её и устремила к доске. «Вы только послушайте что он написал! — возмущённо воскликнула она. — За рекой растёт высокий бульон!». А между тем возмущаться не стоило, ведь Васька, как выяснилось позднее, был из детского дома и бульона не видал. Однако имел представления в другой плоскости.

Ходить в школу было опасно для жизни. Об этом вряд ли догадывались наши родители — жаловаться и стучать не полагалось. Зато уж и отрывались наши мучители по полной программе... Прежде чем сесть за парту, необходимо было за секунду до посадки стремительно оглядеться, чтобы не шлепнуться на чернильницу, подставленную соседом; держать одну руку наготове, чтобы сидящий сбоку не ущипнул тебя, а если это произошло — успеть дать ему сдачи; не особенно крутить головой, чтобы не попали в тебя из рогатки скатанным слюнявым куском промокашки.

После уроков редкая птица могла долететь до входных дверей — по краям лестницы, ведущей к ним, стояли наши кавалеры, от «внимания» которых можно было полететь вниз головой. Но ещё больше, чем нам, доставалось от них преподавателям: прятались в химические шкафы и мяукали; ставили швабру у классных дверей перед началом урока; привязывали сломанный стул к учительскому столу, а под него — полное ведро; задавали сногшибательные вопросы.

Всех молодцов запросто могла положить на лопатки Ирка Оборина. «Анна Николаевна, любовь моя!» — обращалась семиклассница к математичке, стремительно уменьшавшейся в размерах. Взгромоздив ноги на парту, стоящую перед ней, и предусмотрительно убрав всё то, что мешало впереди, она решительно требовала: «Ставь пятёрку!» «Успокойся, Ира, успокойся, — терпеливо реагировала бедная учительница, — вот подучишь материал — и поставлю!». «А мне надо сейчас!» — настаивала чёртова девка. Ирка курила, дралась, ругалась, но была и мечтательна. «Ну чё, Зефир, — снисходительно обращалась она ко мне, — мать-то твоя когда достанет сонный порошок?». Ей не терпелось подсыпать снотворное в графин с кипячёной водой, стоящий в учительской.

Мы видели «небожительницу» не так уж часто, гораздо больше

времени она проводила в кабинете директора, но иногда всё-таки появлялась на уроках, и все с затаённым дыханием ждали очередной выходки. Повесив над доской старый бюстгальтер, Оборина могла озадачить вопросом англичанку, лицо которой мгновенно покрывалось алыми пятнами: «Мария Ильинишна, это не ваш, случайно?».

Как-то золотой осенью собирали мы картошку в Осенцах. Не успев приехать, Ирка бросилась к небольшому озерцу. Скинув трико, она оказалась в трикотажных панталонах розового цвета, в которых и нырнула в оцепеневший от неожиданности водоём. Вынырнув и взойдя на берег, посиневшая от холода школьница на минуту повернулась к одноклассникам спиной, чтобы поднять одежду, не успев прочесть в наших глазах неизбывный восторг. Через облепившие зад панталоны просвечивала вырванная из дневника страница с огромной «парой». После этого авторитет Ирки резко пошатнулся. У меня общим с ней был только забор.

По-соседски Оборина относилась ко мне не так уж и плохо, снисходительно называя «Зефиром». В то время я и вправду напоминала белорозовое кондитерское изделие, употреблявшееся подругами в своё удовольствие: «Ты сказала маме, что получила пару по математике?». «Нет», — отвечала я, скиснув. «Так вот пойдёшь и скажи», — требовали они без всякого сострадания. Мама пользовалась услугами Нины и Веры негласно — следить за мной всё равно больше было некому — зато ей приходилось идти на поводу у малолеток.

Перед Новым годом моим одноклассникам захотелось превратиться в лебедей из балета Чайковского. Тут же костюмерная хореографического училища, примыкавшая к маминому госпиталю инвалидов Великой Отечественной войны, поставила три балетные пачки с головными уборами, напоминавшими отходы от старых пуховых перин. Надо заметить, что наши формы далеко не соответствовали размерам костюмов. На Вере — вылитом Кощее Бессмертном — пачка болталась. Мне приходилось глубоко выдохнуть и задержать вздох до головокружения, пока застегивали крючки, располагавшиеся сзади. Да и вообще я напоминала скорее не лебедя, а молоденькую гусыню, предназначенную для жаровни. Только одной Нине, похожей на девочку с лубочной открытки, пачка пришлась впору. Ко всему прочему, вместо балетных косков наши ноги осквернили чёрные физкультурные тапочки.

«Лебединая тройка» вызвала недоумение у одноклассников.

И неудивительно! Среди зайцев, медведей, Котов в сапогах, Красных Шапочек и Серых Волков, колокольчиков и снежинок мы казались неведомыми пришельцами. «Вы кто?» — спрашивал противный и вечно сопливый Морозов из параллельного класса, когда Вера с Ниной чистили пёрышки перед зеркалом.

В это время я уже была влюблена в Борьку Козлова. Так думали все, даже ботаничка Аксиния Павловна, которая только тем и занималась, что следила, сколько раз за урок я посмотрела на него. Чем приглянулся мне Козлов — остаётся загадкой до сих пор. Фрейда я тогда ещё не читала, но, очевидно, дело было в «Оно». Борька был белокурый, как «бестия», на голову выше сверстников и, как Байрон, угрюм. Его мать работала на проходной оперного театра, а в сезон торговала цветами у центрального гастронома. На колонке, куда мы ходили за водой, она появлялась во всём рваном, зато на работу ходила во всём шикарном. Летом Борька маялся на огороде с лейкой, поливая цветы. Наверное, потому я и сжалась над ним.

Во всяком случае, именно в седьмом классе нашел продолжение мой роман с пушкинским «романом в стихах» — «Евгением Онегиным». Однако довольно долго пришлось выяснять, насколько же взаимна любовь. Мы так и переписывались Пушкиным: я ему — кусок из письма Татьяны, а он мне — кусок их письма Онегина. Наконец Борька пригласил меня в кино, на «Мертвые души». Это было первое наше свидание. Во время сеанса я только делала вид, что смотрю на экран, где мелькали Чичиков, Плюшкин, Коробочка, Ноздрёв. На душе было незнакомо и торжественно. А потом мы пошли на Каму — не держась за руки, не смотря друг другу в глаза, не обнимаясь, не целуясь, не разговаривая и вообще, не зная, зачем мы туда идём, — пока не началась гроза. Вот тут-то мы и поняли, как это здорово — стоять в грозу над Камой вдвоём!

Всё испортили Вера и Нина. «Ты где была?». Мы заходили не один раз!» — ехидными голосами поинтересовались они. «Обедала у мамы в госпитале». «А если мы у неё спросим?». Я ещё пыталась быть убедительной, но, как выяснилось, кругом были одни стукачи. Сосед Борьки Юрка Бутиков донёс Нине, а та — по цепочке. «А ещё подруги... — думала я, обидевшись по-настоящему. И успокаивала себя: «Да что они понимают в любви!». Мама посадила меня под домашний арест, напомнив, что мой избранник — ужасный хулиган. Ей так казалось. В связи с

этим она угрожала мне различными катаклизмами и даже заставила себя подумать, а стоит ли брать меня на пароход до Ростова.

«Не лишаться же мне Борьки?..» – горестно думала я, спускаясь с высокой дамбы от гастронома, царившего над ней. В сетке лежала бутылка уксуса, купленная по просьбе смягчившейся мамы, наконец выпустившей меня на волю. А мой избранник уже несясь мне навстречу на велосипеде. Испугавшись компромата, я рванула через дорогу на другую сторону ... и попала под велосипед. В чувство привела уксусная эссенция. Пошевелив руками и ногами, оказавшимися целыми и невредимыми, я оглянулась и, к огромному удивлению, обнаружила осколки бутылки и лежащего в забытьи велосипедиста. Нет, это был не Борька, а другой, опередивший его!

Позднее наши мамы сошлись у барьера. «Ваш сын покоя ей не даёт. Тоже мне, кавалер!» – гневно выговаривала моя садоводу-любителю. «Сама за ним бегает, да ещё и стихи шлёт!» – покрывалась испариной его, нелюбезно отвечая врачу инвалидов. После этого случая агентура активизировалась. Наше расставание стало неизбежным.

«Борины записки» я хранила втайне на чердаке. Через год их обнаружил Верин папа зачем-то забравшийся под крышу и передавший их Вериной маме. «Как пишет!» – позавидовала она. «Пушкина надо читать!» – посоветовала я при встрече.

Дары Лапшиных

Такой кружки, как у Веры, я не видела никогда. Она высокая, разрисованная оранжевыми лилиями с длинными ножками, а наверху написано: «Напейся, но не облейся». На кружке множество дырочек, а знать нужно только две: ту, которая на внутренней стороне ручки — закрыть; из той, которая сбоку, пить. Хотя и говорят, что нужно знать много, но не всё в жизни может пригодиться. Вот живет пианист Ангелов за моей стеной, квартирант Лапшиных, похожий на размокший батон, а знает только то, что ему надо, — днём репетирует дуэты с виолончелистом, а ночью пишет оперу «Вий». Стена между нами давно растворилась. Плыву с золотыми листочками по лунной реке и замираю от ужаса с каждым новым диссонансом — интервалы, секунды малые и большие, похожи на скачки ведьмы, сидящей на Хоме и берущей разбег. Для композитора это «проба пера», а я ночью покрываюсь холодным потом. Наверное, Гоголь написал «Вия» специально для того, чтобы Ангелов мучил меня.

Недавно я тоже решила испытать себя и сделать торт – вылила в кастрюльку банку клубничного варенья, смешала его со сливочным маслом и мукой, переложила в круглую чудо-печь. Не сказала бы, что всё испеклось как надо, но перемешалось хорошо, хотя и пристало ко дну. Вера и Нина расхваливали, ели ложками, запивая кипячёной водой. Увлёкшись процессом, я решила сделать и пельмени. Развела водой муку, замесила тесто, раскатала его и стаканом прорезала кругляшки, открыла десять банок консервированной сайры, как могла хорошо раздолбила её, упаковала, как полагается, побросав весь «приплод» в холодную воду. Когда вскипело – получился суп. Ничего! Мама тоже картошку чистила в перчатках и кожура была в палец толщиной, а было ей 33 года – больше ничего не умела. И всё из-за того, что прабабушка Цецилия Яковлевна постоянно выгоняла её с кухни: «Нечего тебе здесь делать, Женечка, делать нечего...». Но я не хочу быть барыней. Ведь чему-то же должна научиться.

Вот Верина мама, тётя Валя, умеет самое главное – стряпать рогастики. У меня просто голова кружится, когда я смотрю на тарелки, на которых они так и дышат. Рогастики из тоненького теста, закатанного и перевязанного, как концы платочков. Они посыпаны сахарной пудрой, а внутри спряталось повидло. И из той самой кружки тётя Валя пьёт правильно. Сначала всегда надо подумать! Но я живу чувствами и думать мне абсолютно некогда. Поэтому с математикой никуда не годно. Задача в жизни не решала. За меня и за Веру это делают наши мамы – по отдельности. Поскольку моя – тоже не Софья Ковалевская, сходимся у Лапшиных.

Дроби мы пока ещё не проходили, но у моей мамы всегда получается ответ с запятой: «Подумаешь, Беба, ведь это почти правильно. В конце задачника написано пятьдесят три, а у нас немного больше». Тётя Валя дотошнее. Посмеиваясь, она начинает свои медленные «примерки» – так и сяк поставит числа, переставит куда надо путешественников, идущих из пункта А в пункт Б или перекроет трубу, из которой выливается несметное количество воды, остановит на минутку самолёт, парящий над нами, не боясь катастрофы. И всё получается! «Сошлось!» – вцепившись в друг друга от радости, ликуем мы с Верой.

И дядя Серёжа со всем справляется. Если уж пришёл к нему кривым его друг дядя Боря, который никак не может жениться, то уйдёт ещё

более перекошенным. А для чего же пчёлы у Лапшиных, разве не для того, чтобы лечить от радикулита? Под оптическим прицелом Понца они садятся точно на больное место, чтобы через неделю старый холостяк появился перед нами весёлый и полный надежд.

У Лапшиных вообще всё как надо. Мы с ними дружим и играем – в шарады, домино, шашки и в лото, которое я просто обожаю... На каждом сверху и снизу одинаковые цифры. Когда тётя Валя перемешивает их, потряхивая, глаза у неё хитрые. Разложи карточки, как захочется и знай закрывай клеточки. А если хоть одна карточка закрыта пол-ностью – поздравляем победителя и начинаем пир. Тётя Валя ставит самовар и достаёт вазочку с яблоками на меду, утонувшими в сиропе. Они чуть-чуть забродили и от этого ещё ароматнее.

Мы приходим в гости, как полагается – приносим баночку крабов – их полно в Центральном гастрономе, или мандариновый компот с Китайской стеной на этикетке, полюбившийся с той поры, когда приезжал наш родственник – московский Жорж. Тётя Рашель сказала, что он «антрепенёр», возит на гастроли артистов. И сам он похож на артиста из фильма «Каштанка», хозяина собаки. Только одежда на нём другая; пальто с роскошным меховым воротником и широким поясом, на голове – большая пушистая шапка. У Жоржа розовое, весёлое лицо.

«Выбирай!» – вытаскивая большой кожаный кошелёк, говорит родственник. Падаю на витрину! Чего там только нет, глаза разбегаются! «Крабы, мандариновый компот и пирожное «Эклер», – перечисляет продавцу мой благодетель. – Ну, а теперь – на концерт!». В прошлый раз Жорж привозил на гастроли певицу Ружену Сикору, а в этот – двух дядь. Один маленького роста и очень упрямый, а второй высокий и всё время оправдывается. Их фамилии Милов и Новицкий». «О, кто пришел! – говорит тот, что поменьше, подхватывая меня и сажая на колени. – Смотри, Новицкий, это же Беба – маленький Чайковский!». «Что?!» – удивляюсь я, а Жорж смеётся. К тому времени юное дарование двумя пальцами играет расходящуюся гамму от ноты «до». «Аванс» становится семейным анекдотом, а мне достаётся плитка шоколада.

На сцене Милов и Новицкий всё время выясняют отношения и ссорятся. Ну кому это интересно? Я люблю, когда всё мирно, как у Лапшиных. Наши друзья только и делают, что подтрунивают друг над другом, но в их квартире на Парковой, 14, весело, дружно и чудесно.

Особенно в Новый год. У Веры уже есть костюм Снегурочки, а у меня и Нины — пока ничего. Придётся идти на ёлку в нарядном платье, но и это тоже не плохо. Каким будет праздник в этом году — тайна для всех. А вот в прошлом — сказка началась в саду.

В комнатах уже пахло свежей хвоей. Тихонько покачивались игрушки на нижних ветках от прикосновения учёного кота Мулата, как вдруг тётя Валя попросила детей и взрослых посмотреть в окно. За ним стояли в сумерках деревья, одетые снегом, и наша любимая беседка, почти утонувшая в сугробах. Вдруг над ней загорелись цветные огоньки, а один — тот, что побольше, — отделился и поплыл по воздуху прямо на нас. И мы увидели, как из калитки сада выходит Дед Мороз, над его огромным посохом горела звёздочка. Раздался звонок в дверь, и нас никто не мог удержать — так и вылетели на лестницу в своих лёгких нарядах и туфельках. А он шел прямо на нас, поднимаясь по ступеням, весь белый от инея и красный от одежды, и посох нашего дорогого гостя стучал о каждую ступеньку.

Вместе с Дедом Морозом мы еле-еле пролезли в дверь комнаты. Уж он с нами и танцевал, и пел, и внимательно слушал наши стихи, и помог зажечься ёлочке. И так развеселился, что потерял рукавицу. Искали её недолго, а нашли у дверей, ведущих в другую комнату. Смотрим — а рукавица-то на верёвочке, а за нею белоснежная горка, по бокам — зелёные ёлочки, на вершине — настоящие сани, а в них пассажиры — зайцы-беляки! «Ну-ка, ребята, похлопайте в ладоши!» — попросил Дед Мороз. Кто ж ему откажет! Хлопнули в ладоши раз, хлопнули другой, третий — и зайцы покатались с горки вниз, прямо к нам в руки, а в них — подарки. Но мне было интересно не только то, что было в подарке, а из чего сделаны «побегайчики». Оказалось, их вырезали из картона, обтянули белой тканью, а на меховую головку с ушками, набитую ватой, пришили глазки-пуговицы.

И всё это придумали Лапшины вместе с Дедом Морозом дядей Борей, который сам себе принёс счастье — скоро женился. Зато тётя Валя много пережила — во время ёлки она спряталась за круглой печкой, держа в руках мышеловку с верёвочкой, прицепленной к зайцам. Мышеловка должна была хлопнуть, верёвочка — обрезать, а зайцы — скатиться с горки. У тёти Вали это не получалось. Вот мы и хлопали, просили — чуть ладошки не отбили.

В этом году мы с Ниной пришли на ёлку первыми. В комнате было

ещё темно, но вся она превратилась в лесное царство. Посреди комнаты стояла ёлка, достающая вершиной до потолка, к шторам были прикреплены хвойные веточки и приклеены золотые звёзды, месяц и луна. Недалеко от ёлки мы увидели Деда Мороза, который стоял с закрытыми глазами, не шевелился и ни с кем не хотел говорить. «Отдыхает», – подумала я. Только на пианино мерцали газовые рожки; в их свете переливались, поблёскивали и чуть кружились цветные шары. Ёлка отражалась в старинном зеркале – в нём кто-то тоже собирался справлять Новый год. Когда все собрались, на стену прикрепили простыню и начали крутить диафильмы. Сначала «Красную Шапочку», потом – про трёх озорных поросят и Чука с Геком.

Но вдруг кто-то закашлял, оглянулись – у Деда Мороза изо рта повалил пар. Оживает!!! И правда, веки открылись, руки зашевелились, ноги затопали – пошёл! Как и в прошлом году, играли, пели, читали стихи, танцевали и ждали – а вдруг опять Дед Мороз потеряет рукавицу? Потерял! Нашли у двери, потянули за шнурок... Дверь открылась, и въехала на санях огромная хлопушка! Раздался хлопок, она раскрылась, а внутри стояли и лежали маленькие дочери-хлопушечки и в каждой – новогодние подарки!

Долго-долго буду жить-поживать на свете, но внутри моего сердца останется местечко, занятое этими лучшими праздниками.

Над логом

Вхожу в домик, вросший в сугроб и смотрящий оконцами на старое кладбище. На кухонном столике, покрытом потрескавшейся клеёнкой, в трёхлитровой банке плавает роскошная «медуза» – чайный гриб. В углу – потемневшая от времени икона Божьей Матери с младенцем, укутанная в чуть поблекшие с Троицы матерчатые и бумажные цветы. В крохотной комнатке, отделённой от кухни ситцевыми занавесками, на стареньком диванчике с валиками по бокам и маленьким зеркалом на спинке, поближе к свету сидит бабушка Ольга Павловна и читает прошлогодний учебник географии. Ей интересны разные учебники – все, кроме математики, – Нинина бабушка любит путешествовать. Маленькая, сгорбленная, с бледным личиком, наполовину упрятанным в платок, она строго оглядывает меня, и я невольно подтягиваюсь, хотя ничего плохого и не собираюсь делать – пришла поменяться с подружкой марками.

«Пойдем, Бибка, на кухню!» – улыбаясь говорит Нина. Она угощает меня сладким и терпким настоем гриба, потом чуть подсохшими пирожками с яблоками, вытирает насухо клеёнку, и мы садимся поближе

же друг к другу, раскрывая свои сокровища.

Достаю марки из почтового конверта, где они лежат дружной семейкой. Их я могу разглядывать без конца. Стародавние, содранные с открыток и конвертов, присланных из Казани и Бухары моим дедушкой Александром и предназначенных его сёстрам: Соне, Анюте, Марии, Рашель и маме Цецилии Яковлевне. Марки цветные: красные, синие, зелёные и чёрные, но все с двуглавыми орлами. Среди новеньких можно обнаружить портреты героев-полярников, лётчика Чкалова, композиторов «Могучей кучки» и Чайковского, зверей Африки и картины художников-передвижников. Особенно мне близки «Алёнушка» Васнецова и «Бурлаки на Волге» Репина. Первая – задумчивостью, а вторая – тем, что вызывает сострадание. Я ведь тоже хлопочу по хозяйству: ношу воду и дрова, но тащить на себе целый пароход – это уж слишком!

На столе разместился настоящий цветник – марки, присланные девочкой Снежаной из Болгарии. С ней я переписываюсь по адресу, выбранному в «Пионерской правде». Из холодной уральской зимы переносимся в чудесный сад и сразу ощущаем аромат алых, белых, жёлтых и кремовых роз, тюльпанов и гвоздик.

У Нины марки лежат аккуратно, в специальном альбоме, присланном её папой. Их концы вставлены в прозрачные полоски, приклеенные снизу и похожие на длинные строки. С интересом рассматривая свои марки, подруга сохраняет чувство собственного превосходства. «Ну, зачем тебе «Лебединое озеро»? Хочешь все марки заberi за него!» – прошу я. Вы же знаете, как я люблю этот балет, потому-то лучше этой марки не может быть ничего на свете! На ней танцуют в белых пачках четыре балерины. За их спинами – зелёное озеро, по бокам его – чёрные деревья, а над головами девушек-лебедей светит белая луна. Всё-таки какая несправедливость! У меня есть портрет Чайковского, так почему же композитор не может соединиться со своим творением?

В это время в кухню заглядывает бабушка Ольга Павловна. «У, шпионка...» – теряя внутренне равновесие, шипит себе под нос Нина. Мы меняемся марками уже не первый раз, но она неумолима, хотя жадиной никак не назовёшь – может целый разборник, состряпанный бабушкой и начинённый «подушечками», отдать – есть не хочу! У неё круглое беленькое личико, похожее на свежую картофельную шанежку, и упругие лёгкие ножки. Никто не топаёт так звонко и быстро каблучка-

ми по асфальту, как моя подружка. К тому же она — отличница, только с географией беда.

«Что такое климат?» — спросил как-то учитель Константин Иванович. Нужно отвечать абсолютно точно. Нельзя заменить ни один союз, ни один предлог и ни одно слово, а тем более — переставить их. Такое может запомнить только Нина. «Молодец! Большому кораблю — большое плавание!» — хвалит учитель воодушевившуюся школьницу. Хорошо ещё, когда наш географ обращается к нам по имени и фамилии! Но чаще он задаёт вопрос в воздух: «Скажите Вы!» И тогда одновременно поднимаются со своих мест сразу несколько учеников. У Константина Ивановича глаза смотрят в разные стороны. Смеяться над этим нельзя, но от этого никому не легче. Да ещё у него со лба прядка волос откидывается и свешивается отдельно от небольшой шевелюры над ухом, а под ней — пусто. Мы всё это давно разглядели, а Нина никак не могла успокоиться — показывала Вере пальцем и смеялась так, что из глаз катились слёзы.

Вот после этого-то на уроках географии она и пустилась в настоящее плавание вместе с картой, висящей на доске. Не перечислить заданий, которыми её завалил Константин Иванович! Она искала города и реки, озёра и горы, острова и полуострова... Пришлось углубиться в предмет, чтобы не потерять пятёточный престиж, однако комплименты теперь доставались другой пассии — Наде Башмаковой. «Большому кораблю — большое плавание!» — предрекал довольный Константин Иванович, даже не оглядываясь на поселившуюся у доски Нину. Но наша подружка не особенно огорчалась, а отворачиваясь, еле удерживалась, чтобы не прыснуть в кулачок.

Разве можно так обращаться с почти взрослыми людьми? А то, что мы уже не дети, должны увидеть все. Надеваем мамины капроновые чулки и лаковые туфли на каблуках, ручные часы, подаренные нам на день рождения, и отправляемся в театр на оперу «Риголетто». Пусть герцог погубивший Джильду, — подлец, пусть отец её заливается слезами из-за того, что ему вместо заказанного трупа подкинули труп любимой дочери; в конечном счёте, всё это не имеет большого значения. Главное — есть антракты, в которых мы можем показаться во всей красе.

Жаль, что нас не видят родители, особенно Нинина мама. Она приходит домой пьяная и начинает свой «концерт», а иногда даже лезет драться. Достаётся моей подруге и старой бабушке. Откуда только силы

взялись — связали её так, что не могла и пошевелиться. Если бы не Ольга Павловна, даже и не знаю, как бы жила Нина. Вот и хочу порадовать.

В её день рождения встречаю у калитки дома, ещё до школы, с тазиком. В нём на снегу лежат апельсины, а посередине стоит открытая бутылка лимонада и большой старинный бокал, из которого я пила этот душещипательный напиток в детстве: «Поздравляю! Расти большая, красивая и счастливая, на радость бабушке, Вере и мне!» И Нина смеётся.

Кукуштан

Кукуштан — это там, где огромное Свинство — подсобное хозяйство маминого госпиталя. В нём разводят свиней. Не сказала бы, чтобы инвалиды от супов, сваренных на выращенном для них мясе, сильно раздались, и румянца во всю щёку не видно. Зато начальник госпиталя — полногрудая и полнотелая, даже подалась в высоту, хотя в её возрасте уже не растут. А иначе не справиться — на таких плечах, как у неё, всё только и держится — и госпиталь, и хозяйство. Вот и меня отправили в Кукуштан — на откорм.

Утро холодное, безветренное, чуть тронутое солнцем — ещё не проснувшимся, как и земля. Грузовая машина медленно поднимается на высокую гору, а потом, наверное, специально, чтобы «за животики схватило», быстро опускается с неё. Дух захватывает от скорости и свежести, набирающих силу зелёных полей, укутанных легкой дымкой гор, касающихся их дальними краями. А впереди — Кукуштан, где я наконец-то познакомлюсь с кукушками.

Когда произносят это слово, сразу почему-то представляю, что на птицах – нижнее бельё. Может, там, в Кукуштане, лето всегда холодное? Меня тоже упаковали как следует: два сарафана на тот случай, если вдруг у одного лямки оборвутся – пришивать-то я их пока не умею; сандалии с дырками для воздуха – чтобы пальцы не скучали; тёплый спортивный костюм с начёсом – а вдруг в июле снег выпадет; резиновые сапоги – «без которых абсолютно нечего делать в деревне», как сказала мама; шёлковые ленточки – белая, красная, синяя и жёлтая – без них не выжить моей единственной косе, той, что пока длиннее ума.

Ну и глухомань вокруг! Горы, обросшие лесами, поднялись до небес; река Бабка журчит по камешками и перекатам. Пока машина отдыхает, рассматриваю то, что под водой, по которой уже разлилось солнце. До середины реки достают тёмные отражения белых каменистых берегов. Словно гигантские опоры, они поддерживают всё то, что живёт, растёт и движется – телегу, медленно поднимающуюся в гору и огибающую кромку леса; стадо коров, пасущееся на единственной поляне, окружённой высокими елями; лодку, уткнувшуюся носом в корягу, лежащую на берегу. Так вот он какой – Урал! Наверное, в таких местах живут лешие, водяные и русалки. А ещё тётя Вера и дядя Федя – начальник подсобного хозяйства.

«Угостья приехала! Добро пожаловать, сердынько!». Оба они с Украины и многие слова начинают с буквы «У». Забавно, но смеяться над этим не стоит. Здесь-то я и проживу славное лето вместе с их дочерьми – Ниной и Лидой. Нина берёт большую лягушку, опускает во флягу с молоком, стоящую на краю колодца, прицепляет её на крючок и, медленно разматывая цепь, потихоньку опускает в колодец. Слышно, как фляга разбивает донную воду. «Теперь не прокиснет!» – говорит практичная Нина. «Ну что, пошли огурцы пробовать!» – предлагает младшая сестра Лида, лицо которой усыпано бесчисленными веснушками, словно её выкупали в золотом наваристом бульоне. Нина совсем другая – голубоглазая красавица с вьющимися каштановыми волосами, статная, сильная, «кровь с молоком», сулящая надежды и счастье маме и папе. Она делает всё и всегда правильно, быстро всему учится и учит других, а кроме того успевает посмеяться над нелепостями соседских детей. Достается и Лиде: «У, рыжая-бесстыжая!» – только и слышно каждый день. От такой плохой жизни бедная сестра уже успела выпить разбавленной уксусной эссенции – еле-еле отходили. А Нина всё равно не унимается...

Но когда мы едим огурцы в старой бане, обо всём забываем. Этот плох — откусываем — и вон. Тот тоже неважнецкий — и его туда же, а этот — маленький, в пупырышках, свеженький, хорошенький — глотается заживо. В баньке ещё влажно и тепло — вчера протопили. Сидим на полках, чем-то напоминающих мне преисподнюю парилки, в которую в детстве водила меня няня Луша.

Зато на речке-то как хорошо! В тёплом песке подсыхают и отдыхают ракушки, наполненные телами своих обитателей, высывающих наружу кончики розовых мантий.. Плещемся, тянем друг друга за ноги, плывём собаками и лягушками, но тонем, тонем! «Смотри, вон брод, — показывает Лида, — можно на телеге проехать, а можно и перейти. Скоро поедem на высоковольтную за грибами» — обнадеживает она.

На следующее утро иду купаться одна. Забираюсь в речку, подпрыгиваю, шлёпаю по воде руками, верчусь, упав в воду, кручусь вправо и влево и пою — любимую песню о жаворонке — «Между небом и землёй песня раздаётся!». Окатываю берег каскадом брызг, по прибрежной воде иду до тропинки, весело размахивая полотенцем, и поднимаюсь по ней к огороду. «З-з-з», — раздаётся за спиной, и я ускоряю шаг. Звук становится всё громче. Да это уже целый хор! Навстречу мне идёт инвалид с костылями. Обалдеваю от страха и несусь вперёд. И вдруг, словно сотни иголок впиваются в голову. «А-а-а!» — кричу я. Инвалид, услышав крик, от неожиданности бросает костыли и бежит в обратную сторону.

Моя голова похожа на глобус, на котором кто-то перебирает спутанные параллели и меридианы. Она лежит на коленях у тёти Веры, а на углу стоит блюдечко с двенадцатью пчелиными жалами. «Ничего, краля! Теперь вже зараз поумнеешь!» — успокаивает хозяйка. Чтобы проветриться, шлепаю босыми ногами по тропинке в сторону болотца, почти примыкающего к Бабке. В нём словно сидит кто-то и дует в соломинку, надувая на поверхности пузыри, лопающиеся, как воздушные шарики от прикосновения к иголке. Заглядываю с берега в воду: одно отражение накладывается на другое, они словно смазаны, как недосохшие акварели. Над чуть заржавевшей гладью водного стекла вижу напружинившиеся водоросли, дудки каких-то растений. На плаву держатся островки зелёной, пепельной и коричневой, увядающей, подёрнутой плёнкой ряски. Кое-где торчат жёлтые кубышки. Но главное — к берегу прижалась лодка с шестом. Видимо, и до меня кто-то

уже пускался в плавание по нижнему миру. Лодка плывёт с запинкам, прокладывая путь к неведомым берегам. Дух болота щекочет ноздри, и снова хочется петь «Жаворонка». Голос соединяет пределы земного и неземного единой нитью. Солнце заглядывает в воду, дробясь на множество солнц. Его искры отлетают от поверхности воды и вместе со звуком лопающихся пузырей создают феерию света и звука.

«Бе - ба, — доносится с берега, ты куда? Лодка-то дырявая!». И на самом деле — ноги уже погрузились воду по щиколотку, но она так разогрелась, что я не чувствую прикосновения. Пробую повернуть назад, но лодка не поворачивается. «Там стой! — кричит Лида и Нина с берега. — Сейчас папку приведём!».

Директор свиноводческого хозяйства дядя Федя через несколько минут уже стоит на берегу — ладно, дом близко. «Ну, деука, казак! Глаз да глаз ну́жон!» — смеётся он. Сапоги, которые мой спаситель с трудом вытаскивает из воды, громко чавкают, словно тот, кто сидит в болоте и дует в соломинку, решил наконец закусить. Схватив лодку за корму, дядя Федя тихонько разворачивает её и, медленно подтягивая за собой, движется к берегу. «Ну, гарна дивчина, одна боле не ходи. Тильки с дочка́ми! А то бык забодэ! У нас в Кукуштане-то их ого!»

Ох, и хорошо в доме у Рябко: гора сатиновых подушек — самая большая внизу, а потом всё меньше и меньше, а наверху самая маленькая — думка.

Оказывается, думки бывают разные: у Чайковского — про украинскую жизнь, у маминой тёти Рашуси — для иголок, а у меня про то, как мы завтра пойдём в колхозный сад собирать смородину: ведро его хозяевам и ведро нам за работу. Чёрная смородина уродилась в этом году на славу — и холод её не настиг, и солнышка было много, и дождичков хватило. Кусты посажены аккуратными рядами, им нет ни конца, ни края. Сначала едим, как говорится, от пуза, пока тётя Вера не останавливает: «Скільки можно? Зараз сторож придэ!». Так что приходится постараться — собираем до того, что перед глазами пляшут зелёные листья и чёрные точки. Рот слипся от сладкого и кислого, руки красные от сока, да и лицо, наверное, разрисовано, как у пиратки.

Так объедалась я только два раза — вишней в Екабпилсе, когда мы ещё с папой жили в Латвии, и пломбиром в Москве, на ВДНХ. Ещё бы не объесться, когда перед твоим носом стоят тазы с переспелой вишней, которая так и просится в рот, или — перед ним же — все едят пломбир!

И почему только так и тянет сделать то, что совсем не нужно? Правда, это не только со мной бывает – один мальчик на этой выставке в павильоне «Армения» схватил из вазы зелёное яблоко, сразу впился в него зубами и побежал, чтобы не отобрали, а за ним никто и не погнался – яблоко-то оказалось из воска, он потом сам вернулся и положил «фрукт» на место. Но вишня, мороженое и чёрная смородина – настоящие.

Вернувшись домой после сбора урожая, иду к Бабке – уж очень жарко, а вслед за мной тащатся Лида и Нина. Река после долгих дождей кирпичного цвета – захожу в воду, и меня почему-то мутит. А тут ещё ноги, словно тянет куда-то в глубину, оттаскивает и потихоньку меня начинает кружить. Где ты, мой ангел-хранитель, с ясным и добрым лицом? «Яма!» – вскрикивает умная Нина, и они с Лидой и подскочившим с берега мальчиком залетают в реку, хватая меня за руку. А дальше, как в сказке «Репка»: Нина за Бебу, Лида за Нину, мальчик за Лиду – так и вытягивают меня из закружившейся петли на берег. Тётя Вера и дядя Федя про случившееся не узнают.

Играйте, девочки!

Трамвай выезжает на старый мост, парящий над речкой Егошихой и пожелтевшими, ещё пытающимися держаться садами. Он медленно огибает гору, поднимаясь вверх, и поворачивает влево. По бокам путей вкривь и вкось разбросаны деревянные домики с палисадниками давно угасшей сирени и ещё набирающими силу астрами, чудом уцелевшими после 1 сентября.

Музыкальная школа № 2, в которой мне предстоит учиться, на самом деле первая в нашем городе, и стоит она на вершине Городских Горок, рядом с большими каменными домами, продуваемыми бесчисленными ветрами через арки и чугунные решётки, соединяющие их. Из раскрытых форточек доносятся обрывки гамм, у каждого окна – своя, а если открыть входную дверь – от их напора валит с ног. Они разбегаются и сбегаются, улепётывают, словно кто-то преследует, или, наоборот, на зов – возвращаются назад. Так вот что такое Музыка!

Стою в крохотном вестибюле музыкальной школы. В руках –

чёрная папка, извлечённая из старого сундука моей бабушки-пианистки Берты Шахнович. По обе её стороны выпуклые лиры, похожие на две одинаковые вазы. В школу я поступила ещё весной. Попела – проверили слух, похлопала – проверили ритм, а потом один из сидевших в классе педагогов, невысокий мужчина с беломраморным лицом, розовыми щеками, падающим на лоб смоляным выющим чубом и трубкой в руке, спросил, не сочиняю ли я. Ну, конечно! И тут же прозвучала в моём исполнении расходящаяся гамма от ноты «до», сыгранная двумя отдельными пальцами правой и левой руки, – та самая, которую уже успели услышать многие мои родственники. «А что, неплохо!» – сказал, как-то странно улыбаясь, директор школы Виктор Исаевич, и вслед за ним заулыбались и все остальные педагоги. Так я и стала на полжизни «сочинительницей гамм».

Пока я хожу только на занятия хора. Мы разучиваем Песню Дев из оперы «Князь Игорь» «Улетай на крыльях ветра». Так и представляю: ночная степь, всё затихло, горят костры, татаро-монголы, от которых всем досталось, варят мясо в котлах, а девы, которые ни в чём не виноваты, поют. Среди них, наверное, есть и пленницы – душа рвётся на волю и тоскует! Летит песня над ковыльной степью – ни одна травинка не дрогнет... Стараюсь изо всех сил! Руководитель хора Нина Павловна проходит по рядам, прислушиваясь к поющим и останавливается рядом со мной: «Молодец, хорошо тянешь!».

В школе много преподавателей, которые мне нравятся, только вижу их редко. Чаще всего они прячутся с учениками за дверьми. Двери двойные, чтобы было не так шумно от уроков. Потом, когда наступает перерыв, – высказывают в коридор и радуются – все, и молодые и те, что постарше, наверное, оттого, что им надоело слушать гаммы. Только Татьяна Александровна, преподаватель музыкальной литературы, никуда не прячется и не торопится. Она – певица, правда, перед нами не поёт, а только рассказывает и ставит пластинки – отрывки из произведений композиторов-классиков, которые мы должны обязательно запомнить. Ходит она на тоненьких каблучках и держится так прямо, словно кто-то её сверху специально подтягивает, а меня называет Кармен. Почему – не знаю, но, наверное, из-за огромных бантов, похожих на два бутона, сооруженных мною из бухарского шёлкового пояса, оставшегося от дедушкиного халата, который он давным-давно привёз из Средней Азии. Банты очень яркие и нависают над моими

ушами, но мне они совсем не мешают – всё вижу и всё слышу.

В школе – узкий длинный коридор, так что побаловаться можно только в вестибюле: покрутить нотной папкой, покружиться с ней, похлопать ею по бокам и много раз посмотреться в большое зеркало. Все девочки и мальчики, которые учатся в музыкальной школе очень вежливые и воспитанные, таких хулиганов, как на Ленина, 7, здесь и днём с огнём не найдешь. Поэтому ходить на занятия совсем не страшно, а наоборот – хочется.

Мою Музыку я сразу узнаю в лицо, но у неё есть и имя – Светлана Константиновна. Музыка прекрасная и тоненькая, а шея у неё лебедина, чёрные прядки вьющихся волос облепили смуглое личико и чуть задевают розовые щёки. Музыка смеётся, как всхлипывает, и хочется, чтобы так было всегда.

Светлана Константиновна – настоящая пианистка. Когда она играет в зале на большом концертном рояле – кажется, что окна со стенами становятся невесомыми и словно растворяются. Её мама тоже преподаватель музыки, но дочери она ровно по пояс и похожа на мячик, которым так и хочется поиграть. Маленькая, с круглым личиком, окутанным, как одуванчик, пушком, Рахиль Исааковна так расплывается в улыбке, что в ней и пропадает. Благоухая духами «Красная Москва», пропитанная ими, как губка, мама спрашивает у дочери: «Как ты можешь ставить этому ребёнку «кол»? Неужели ты не видишь, как эта девочка смотрит на тебя?». Но моя Света неумолима, хотя отводит глаза в сторону, чтобы я не увидела выражение её лица: «Пускай учит пальцы!».

Пальцы – это беда на долгие годы. Ну и композиторы – мало того, что нужно разучить и запомнить наизусть пьесу, так ещё и с цифрами, поставленными под нотами! Я, конечно, понимаю, что на каждой руке только по пять пальцев, и надо как-то выкручиваться. Ладно, если ещё произведение играется в медленном темпе, а если в быстром? «У тебя руки бегут вперёд быстрее, чем работает голова!» – пытается охладить мой романтический пыл Светлана Константиновна. Интересно, а как разучивала пьесы моя бабушка Берта Шахнович? Посмотришь в её ноты – там страшно и черно, как в фантастическом лесу.

Тайком от меня говорят, что способности есть: музыкальность, эмоциональность, руки, словно созданные для игры на инструменте, но голова!... «Считай!» – требует учительница. – Куда тебя несёт! Раз и,

два и, три и, четыре и...». Всё ясно — и здесь математика, которую я терпеть не могу. Правда, пока ещё не знаю, что значит «алгеброй гармонию поверить», но ничего хорошего в этом заранее не нахожу. И всё равно, хотя у меня в дневнике основные отметки «кол» и «пять» — поняла: у Светы два любимчика — я и Юрка Зак, два вечных должника и неплательщика. Об этом заявил в учительской бухгалтер музыкальной школы, а я случайно услышала. Ну, как же объяснить Светлане, чтобы она не сердилась? До четырёх я считать умею, и даже больше. Порой дело в том, что перед уроком люблю поесть чеснок...

Мы сидим в концертном зале, где обычно занимается хор, а Света ему аккомпанирует, даже не оглядываясь на меня. «Так, с Бахом хорошо. Молодец! Даже пальцы выучила, — слышу я редкую похвалу. — А теперь пьесу Глиэра «В полях». И считай!». Я молчу. «Ты что, Беба, опять чеснока наелась?». А всё из-за того, что мама не разрешает пользоваться в её отсутствие электроплиткой — оставит на тарелке холодную кашу, резанные яблоки с сахаром, а мне не всегда этого хочется — вот и добавляю в рацион авторский бутерброд. Конечно, нужно исправляться — и все экзамены сдаю на пятёрки. А если Света рада — большего счастья и нет на свете!

Играть я люблю, играю много, хотя и не всегда так, как требуется. Раскрываю окна, чтобы все прохожие слышали. Соседские ребята давно уже прозвали меня «артисткой». Год проходит за годом, пальцы бегают по клавиатуре всё быстрее и уже не всегда опережают голову. «Будешь выступать по телевидению — играть «Бурный поток» Майкапара, — воодушевляет меня учительница. — Смотри, всё сделай, как договорились!». На студии жарко, как в Африке, взмокла от страха и волнения. В крышке рояля — три моих головы, а правая нога выбивает по педали чечётку, но, к собственному удивлению, справляюсь. «Молодец! — хвалит Света. — Рахиль Исааковна сказала — техника, как у Гилельса!».

Этого пианиста я слышала всего один раз и то в фильме, где он играл «Сады под дождём». В таких садах я ещё никогда не бывала. Только в зимних, но они чудесны: ветви набухли, стали упругими, чистыми, они раскрыли свои объятия, купаясь в тёплом ночном воздухе.

Я тоже слышу свою музыку. Она поселилась внутри меня и пока ещё не очень выросла, но места для неё хватит. В каждом отведено место под Музыку, но у всех она разная, и пространство, которое она занимает, тоже разное. Это я поняла, когда ходила на концерт пианиста Святосла-

ва Рихтера. Музыка в нём занимает полный объём – ничему другому места просто не остаётся. А во мне пока много места и для другого, поэтому, наверное, задумываюсь ненадолго, иначе не случилось бы этой истории...

Под Новый год я решила поздравить Свету. Приготовила серпантин и конфетти и спряталась за дверью в концертный зал, где мы обычно занимаемся. Вероятно, заболел кто-то из учеников, и у Светы этот урок оказался свободным. Мне хотелось, чтобы она вошла в зал, а я из-за дверей бросила бы в неё серпантином и конфетти, а потом вышла бы и громко сказала: «С Новым годом!». Но учительница вошла в зал не одна, а с педагогом по баяну, да ещё из двойных дверей; первую она закрыла, а вторую, за которой стояла я, оставила открытой. Пришлось целый урок слушать, как музыкант говорил ей всякие глупости, а она смеялась. Когда наконец всё это закончилось, они пошли к выходу, и Света закрыла створку двери, скрывавшую меня: «А ты что тут делаешь?» – спросила моя небожительница. «С Новым годом!» – только и смогла пролепетать я, роняя на пол сжавшиеся от страха серпантин и пачку конфетти.

Но впереди были новые испытания! Мне доверили самое почётное место в отчётном концерте нашей музыкальной школы – играть в заключение. Обычно он проходил во Дворце культуры имени Ленина и на это раз совпал с днём рождения вождя. Из репертуара выбрали «Масленицу» Чайковского. Пьеса, прямо скажем, по мне, сплошной праздник: тройки, игры, блины – размах хоть куда!

Рояль стоял в центре зала, и до него нужно было ещё добраться. Как назло, я надела мамины белые туфли на каблуках, и хотя много раз перед выступлением репетировала в них: ходила по комнате, спускалась и поднималась по лестнице – всё равно не рассчитала. Сцена оказалась такой скользкой, что вся «Масленица» мгновенно вылетела у меня из головы. В обморочном состоянии добравшись до рояля, юная пианистка так приударила по весеннему бездорожью, что остальные времена года вряд ли успели бы вслед за ней.

После концерта ко мне подошел сидевший во время концерта в зале известный любитель и знаток музыки Сергей Александрович, друг нашей семьи. Глядя смеющимися глазами, он произнес: «Мне понравилась игра одной девочки, но я побоялся, что она разобьётся». А Света, заливаясь смехом и потрепав меня по щеке, добавила: «Ну, ничего, главное – с темпом справилась, а синяки пройдут!». Всё закончилось благополуч-

но, но впереди ждал новый сюрприз — Света собралась замуж!

До сих пор она была моей, а теперь будет ещё чьей-то! Чтобы снять тяжесть с души, я посвятила любимой учительнице целую поэму о своих ущемлённых чувствах и преподнесла её по назначению. После этого Рахиль Исааковна как-то заглянула в класс: «Беба, у тебя хорошие, искренние и добрые стихи. И так приятно, что ты любишь Светлану Константиновну». А моя учительница, улыбнувшись, сказала: «Спасибо, девочка! Стихи и в самом деле хорошие!». А в дневнике, вместо задания на следующий урок, записала: «Читай Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулину. Пиши стихи всю жизнь».

Как выяснилось гораздо позднее, путь поэта оказался труден, и я перешла на прозу. Но в то время ничего прозаического в моей жизни не происходило — всё было наполнено Музыкой, которую подарила мне умершая в расцвете жизни моя учительница.

Скачки терцовые, скачки квинтовые,
Скачки по клавишам, скачки по лужам.
Этюды робкие, этюды чёткие —
Играйте, девочки, играйте — нужно.

Этюды Гермера, этюды Клементи,
Как много сил на вас, как много времени...
А пальцы ловкие сплетают кружево.
Играйте, девочки, играйте — нужно.

Рояли грозные, рояли чёрные,
Октавы быстрые, скачки упорные.
До боли клавиши зимой застужены...
Играйте, девочки, играйте — нужно.

Пожар

И сегодня, когда я подхожу к дому, запакованному в рекламные щиты, пепел ударяет в моё сердце. Разгуляй обуглился в тот год, когда в космос полетел Гагарин. В то время уже прокладывали дамбу, соединяющую город с Городскими горками. Строили по живому, рубили цветущие сады – наш, полубезумного Поснятки и основательных поляков Заневских. В тот год Разгуляй стонал и изнемогал от бессилия под тяжестью топоров. Пришлось и мне вместо школьной формы примерить синее бумазеевое платье в белый горошек – наряд погорелицы.

Всё случилось из-за оперы Бородина «Князь Игорь», на которую я так торопилась пойти, что забыла выключить утюг. Отгладила платье с белым накладным кружевным воротником – непременно дополнением к нему – и отправилась в театр оперы и балета. Вновь окунувшись в теплоту южной ночи, вкушённую в младшем классе музыкальной школы, я с блаженством погрузилась в яркий и экзотический мир полонезских плясок. Однако была выдернута из партера знакомой девочкой Лидой: «У вас пожар!» – сообщила она.

В то время, когда он начался, постового дяди Стёпы, умевшего справляться и не с такими бедствиями, в районе трамвайного депо не оказалось, зато меня встретили огненно-красные, уже отпыхтевшие пожарные машины, выплёвывающие из шлангов последние струйки спасительной влаги, и толпа. «Вот она! Вот она!» – заорал кто-то приведший Вия и открывший ему веки, и все, уставившись на меня, еле удержались, чтобы не раздавить. На распахнутых во двор дверях безжизненно повисла в пространстве щеколда. В воздухе стоял запах гари, струя которого истекала из деревянных сеней нашей квартиры, потерпевшей бедствие. Обугленные куски бухарского ковра валялись уже на кухне, пианино стояло на ещё теплых углях, на полу были разбросаны книжки с чёрными переплётами и обрывки полусгоревших нотных страниц. Из каменных дедушкиных часов выпало сердце, и моё, кажется – остановилось – сейчас улетит в проём выломанных оконных рам и разобьётся об лёд. Вот тогда-то во мне, бесстрашной, и поселился страх. Теперь я всегда буду виновата: перед Лапшиными, уже приготовившимися к эвакуации; перед бывшими хозяевами Жунёвыми, залитыми водой (слава Богу, что квартира уже давно наша); и перед мамой. Ей бы радоваться, что дочка жива, а она рыдает – всё потеряла.

Погорельцам несут с миру по нитке: кто розовый ситчик – авось пригодится в мороз, кто скатерть на несуществующий стол... Смотрят жалостливо. Все госпитальные угощают меня в буфете едой, да так, что утроба раздувается. Нашу квартиру уже начали ремонтировать, и, может быть, к лету мы начнем новую жизнь, только так хорошо, как раньше, ужё вряд ли будет в этом доме. Все сочувствуют маме, а до меня никому и дела нет. Душа поместилась в маленькую клетку, из которой не хочется даже выглядывать. А тут ещё появился и пермский Жорж.

Я часто видела его и раньше в театральном сквере, где он всегда в белом костюме стоял рядом с какой-то женщиной, сидевшей на лавочке, только делая вид, что разговаривает с ней, а на самом деле, всё время поворачивался и поглядывал на нас с мамой, сидящих невдалеке, но никогда не подходил. А уж если встретится на улице, то так «прилипнет», что я начинаю сразу тянуть маму за руку. Этого человека Женя знала в юности. У него необычное лицо, со шрамом на щеке – след войны. Лицо словно перекошено, наверное, как и жизнь. Быть бы ему большим художником или скрипачом, если бы не эта проклятая война, а сейчас он просто преподаёт рисование начинающим педагогам.

В нашем городе нет никого, кто был бы похож на пермского Жоржа. Иногда вижу его с этюдником, иногда со скрипкой, но глаза́ всегда одинаковы, когда он смотрит на маму, и мне этот взгляд не нравится. Да и Женя к нему не очень-то благосклонна и разговаривает с ним нехотя.

И вдруг Жорж появляется у нас на Парковой после ремонта. Голос у него вкрадчивый, осторожный, словно он что-то скрывает или недоговаривает и на меня смотрит, словно я на другом конце света стою – ему нужна только мама. Пью чай, и потянулась ниточка из клубка: «А помнишь, Женечка, я хотел подойти к тебе с папой, а Александр Аркадьевич сразу перевёл тебя на другую сторону улицы!». Так вот оно что! Значит, мой дедушка тоже не хотел, чтобы пермский Жорж дружил с мамой, когда она ещё училась в медицинском институте. И я не хочу, только почему-то его очень жалко – какой-то он одинокий, грустный, худой и всегда уставший.

Жорж открывает этюдник и достаёт свои работы. Впервые вижу такую красоту! Картины нарисованы маслом, и на каждой из них – домик с маленьким окошком, в котором горит огонёк – в нём кого-то ждут. Только дорога, ведущая от домика, какая-то короткая, словно кто-то её оборвал. Такие яркие краски я видела во сне: лечу в золотом платье высоко-высоко, над головой серебряная сабля и что-то жжёт в ступне, посмотрела – а там месяц, прямо впечатанный в пятку; небо синее-синее, а земля внизу зелёная-зелёная. Лечу – значит расту. А мама и Жорж уже выросли, и то, что случилось, нельзя исправить. Говорят, виновата война, но мне кажется, что дело не только в ней.

Жорж из Верхней Курьи, где жил раньше со своей мамой в маленьком деревянном домике, наверное таком же, как на картинах. Курью я полюбила ещё тогда, когда мы с Таней Бютнер разучивали танец маленьких лебедей в пионерском лагере. Жорж просто обожает свою Курью, и когда он предлагает нам с мамой посетить её, с удовольствием соглашаемся. Берём с собой повариху-пенсионерку Марию Павловну – пускай тоже подышит свежим воздухом! Мы отправляемся в знакомое путешествие на пароходике, переплывая Каму.

«Ну, вот, Женечка, пойдём через лес наискосок – там самое грибное место!». Я внимательно смотрю на Жоржа, и мне уже хочется быть послушной. Дышится легко, зелёное царство Курьи обволакивает нас. Ветви сосен причудливы и откровенны, а корни разбегаются по тропин-

кам. Иногда на голову падают шишки, заставляя нас вернуться от мечтаний к реальности. Ну и вышли прямиком – на болото!

«Не переходи, Евгения Александровна! Не то упаду!» – предостерегающе говорит Мария Павловна, стоящая на кочке. Я-то ещё прыгаю с кочки на кочку, а у мамы с её позвоночником, покалеченным на войне, ноги неустойчивы. Мария Павловна по ошибке тычет маме в зад своей огромной палкой, которую мы выбрали в сосняке. Состояние расстройств сменяется весельем: «Куда ж ты нас завёл, Жорж?» – смеясь, спрашивает мама. Я давно поняла, что наш проводник может ошибаться, но мы ему прощаем.

Так постепенно завязывается наша дружба и становится всё сильнее и сильнее. Я уже жду его звонка в дверь и осторожных шагов. «Поэт всегда поймёт поэта!» – говорит Жорж, и на душе становится теплей и радостней: «Напиши о розе, как никто до тебя. Вот это и есть мастерство!» – он хочет мне поведать о чём-то непонятном, но очень интересном. Читая тетради с моими стихам, он делает замечания, но никогда не повышает голоса и никогда не восхищается. И это понятно – я только учусь писать.

Вообще я не люблю, когда восхищаются по пустякам. Вот одна наша знакомая, тётя Софа, восхищается тем, что я умею готовить яичницу. Конечно, для неё я мастерица, потому что она всю жизнь ест в кафе «Дружба», а сама никогда и ничего не готовит. Когда мы приехали с мамой из Латвии в Пермь, тоже часто ходили туда – очень уж вкусные оладьи подавали на стол: пышные, сладкие, да ещё с разными добавками – вареньем, мёдом, сметаной. Один раз мы с тётей Софой сидели за столом с двумя дядями-грузинами. Они мне так понравились, что я решила с ними попрощаться по-грузински, как меня научила мамина двоюродная сестра Лена. И сказала-то я всего два слова, но наши соседи так переменились в лице, словно услышали что-то неприличное, и больше к нашему столу никогда не подсаживались.

Мастерство – это точность во всём, а если ты не уверен, по крайней мере – не втягивай других. Вот, Софочка всё время зовёт маму посидеть на пароходе – на том самом, который никуда не собирается плыть: «Ах, Женька, там рай!». Однажды пароход, на котором они решили «подышать», взял, да и отправился в путь. Пришлось поплыть вниз по течению до Краснокамска – еле успели вернуться до ночи домой.

Вот и нас с мамой, Жоржем и Марией Павловной тётя Софа

уговорила поплыть до того же пункта: «Там в буфете бутерброды с икрой, шампанское!.. Мы только туда и обратно!». А вот назад-то и не получилось — узнали об этом уже в пути. Ох, и разозлился Жорж на Софу! В легких платьях и рубашках все чуть не заledenели пока добирались через весь Краснокамск от пристани до железнодорожного вокзала, где расположились до утра по лавкам. Бедная Мария Павловна, которой совсем не по годам было это путешествие, всю ночь не спала — берегла котлеты, оказавшиеся у неё в сумке, обращая на себя внимание «проходимцев».

Наконец, под утро, голос в рупор сообщил, что отправляется товарный состав до Перми. И, спотыкаясь через пень-колоду, полетели старый и малый к товарняку, едва успев забраться на подножку, как тот тронулся. Только неугомонная Софочка пела «Марш энтузиастов», пока нас обдувало ветерком.

Жорж увлекает меня в опасное плавание. Он-то знает, что даётся Плывающим. «Ну, сегодня я богат — продал три этюда. Кутим!» На художнике бархатная куртка-разлетайка с чёрным бантом посередине, за плечом — этюдник. Жорж подшофе, и вот тут-то раскрывается: «Я так любил Женечку в юности. Если бы ты только знала! Посылал ей письма с Дальнего Востока, когда служил в армии, а она не отвечала. Никогда не отвечала. И так вся жизнь разлетелась... Не знаю, что и делать. Там — два сына, жена, а сердце — с вами!». «Вряд ли и сейчас мама любит Жоржа... — думаю я. — Разве так бывает — не любила, не любила, а потом взяла, да и полюбила». Да где мне всё это понять! Видятся они только при мне, и путешествуем вместе, и у каждого своя жизнь.

Кажется, у меня появился новый друг и зовут его — Володя. Мы вместе учимся в музыкальной школе. С ним всегда есть о чём поговорить, он даже сочиняет — пишет повесть «Мальчик из Косовилихи». И, спускаясь по весенней дамбе, мой товарищ провожает меня до дома. Поднимаемся по лестнице и заходим в комнату. Подходим к пианино, на котором стоит портрет мамы в юности, написанный Жоржем. Ей он не нравится — говорит, что совсем не похожа: «Прямо какая-то царица Тамара!». Это та самая, что бросала своих женихов с башни в Терек! А мне кажется, что мама на портрете похожа на мадонну. «Беба, откуда у вас этот портрет?» — спрашивает Володя. «Это моя мама, — спокойно

отвечаю я, – в молодости. А нарисовал её наш друг, художник Жорж...». «... Мой папа», – продолжает Володя. Вот оно что!

Так и дружили мы вместе, долго-долго: ездили в Курью, справляли дни рождения и другие праздники, разговаривали о самых дорогих и интересных вещах, а в комнате нашей поселились картины Жоржа. Одну из них – «Сосну» он подарил в память об окончании школы. Сосна рассказала мне о той девочке, которой я себя в то время не признавала.

Дружба скрасила годы безотцовщины и, может быть, хоть как-то согрела сердце мамы. Жорж так и не расстался со своей семьёй, да и Женя никогда его об этом не просила. И Разгуляя того не стало. Как Китеж, лежит его царство на дне моей души – подойду, загляну в глубину, где затаилось звонкое время, и, не оглядываясь, зашагаю вперёд – мимо разрушенных домов и стылых переулков с осевшей в них «малиной». Даже моя «Сосна» куда-то делась, остались только стихи...

Я – сосна. Я – огонь и ветер.
Я страдаю, как юный Вертер.
И мазками Ада и Рая
В венах кровь моя набухает.

Я – сосна. Над моей вершиной
Бьётся небо жилою синей.
Я – змея. Я багровым жалом
Кисть художника искусала.

Я – сосна. Я на каждый случай,
Как клыкиставляю сучья,
Но к началу лунного мрака
Янтарём начинаю плакать.

Я – сосна. Я орган Вселенной.
На губах выступает пена.
Я страницы Ада и Рая
В кроне звёздной переливаю.

СОДЕРЖАНИЕ

П. Миков. Об авторе и этой книге.....	1

Часть первая. Стихи. Поэмы.

Поколение.....	6
«Страна Урала, древняя страна».....	7
Голоса.....	8
Звериный стиль.....	10
Пермские боги.....	11
«Открой, открой свои глаза».....	12
Из земли Архангельской.	12
«Яичной скорлупкою с фресок слетает».....	13
Аника Строганов.....	13
«Новгородцы, князья московские».....	14
«Ты скажи мне, истома».....	15
«Караваны птиц – не соляные».....	16
«Усолье из сказки».....	17
«Ни одна из варниц»	18
Никита Демидов.....	19
Егошихинский завод.....	20
«Над Чусовой и Камой».....	21
«Малахит».....	21
«Окно в зелёный мир»	22
В Басегах.....	23
Вишерские зарисовки	24
«Взгляд полночного глаза».....	27
«Существо из Эдема».....	28
«Закрыл туман усталую луну»	29
«Путики – спутники хвойных лесов»	30
Иргина.....	31
Сказка.....	33
«Гаснет спелый закат».....	34
«Ах, что мне тайны».....	34

«Я буду твоею»	35
Мелодия.....	35
Курынская элегия (отрывки из поэмы).....	36
«Опьяняясь воздушною хвоей».....	39
В Ключах.....	40
Март	41
Лекторская поэма.....	42
«Коты и собаки молчат».....	46
«И я опять приду на белый свет»	47
«В этой комнате так сконцентрирован мир».....	47
Елабуга.....	48
Певица.....	50
«Смотрят искоса святые».....	51
«А в сущности, ведь так немного надо».....	52

Часть вторая. РАЗГУЛЯЙ – глава из повести

«Провинция» – переработанная и дополненная

Времена года.....	53
Разгуляйские тайны	59
Танец маленьких лебедей	65
Ленина, 7.....	76
Дары Лапшиных	81
Над логом.....	86
Кукуштан	90
Играйте, девочки!	95
Пожар	101

Литературно-художественное издание

Бэла Лазаревна Зиф

Страна Рифея

Книга стихов и прозы

Редактор Т. Крылова

Дизайн и верстка А. Попова

Фотографии:

Б. Зиф

Книга издана при поддержке

Уполномоченного по правам ребёнка в Пермском крае

П. В. Микова

С автором можно

связаться по эл. почте: bim5@list.ru

Подписано в печать 03.07.2015. Заказ № 22/2015.

Формат А5. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 6,33. Тираж 200 экз.

Отпечатано: Печатный салон «Е-ПРИНТ»

614000, г. Пермь, ул. Куйбышева, 2, оф. 6,

тел. +7 (342) 207-61-24, 202-13-63

